

По делу «Попов против России»,
Европейский Суд по правам человека (Первая Секция), заседая Палатой в составе:
г-на Х.Л. Розакиса, *Председателя Палаты Суда*,
г-на Л. Лукаидеса,
г-жи Ф. Тюлькенс,
г-жи Н. Вайич,
г-на А. Ковлера,
г-жи Э. Штейнер,
г-на Х. Гаджиева, *судей*,
а также при участии г-на С. Нильсена, *Секретаря Секции Суда*, проводя совещание по делу за закрытыми дверями 22 июня 2006 г., в указанный день вынес следующее постановление:

ПРОЦЕДУРА В ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕ

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 26853/04), поданной 14 июля 2004 г. против Российской Федерации в Европейский Суд по правам человека (далее — Европейский Суд) гражданином Российской Федерации, г-ном Михаилом Евгеньевичем Поповым (далее — заявитель), в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция).
2. В Европейском Суде интересы заявителя, которому была предоставлена бесплатная юридическая помощь, представлял г-н М.И. Коган, адвокат, практикующий в г. Москве. Власти Российской Федерации (далее — государство-ответчик) были представлены Уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека г-ном П.А. Лаптевым.
3. 13 декабря 2004 г. Европейский Суд принял решение коммуницировать жалобу государству-ответчику. В соответствии с положениями пункта 3 статьи 29 Конвенции Суд вынес решение рассмотреть жалобу по существу одновременно с рассмотрением вопроса о ее приемлемости для рассмотрения по существу.
4. 9 февраля 2005 г. Европейский Суд принял решение направить запрос государству-ответчику о представлении в Суд дополнительной фактической информации относительно жалоб заявителя на то, что должностные лица государства угрожали ему в связи с его обращением с жалобой в Суд, а также на то, что его переписка с представителем подвергается цензуре.
5. 25 марта 2005 г. Европейский Суд принял решение коммуницировать государству-ответчику жалобы заявителя по поводу предположительного давления, оказываемого на него должностными лицами государства, и цензуры переписки между заявителем и его

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ПОПОВ ПРОТИВ РОССИИ»* (жалоба № 26853/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург
13 июля 2006 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

представителем, а также поставить государству-ответчику дополнительный вопрос относительно условий содержания заявителя в исправительно-трудовой колонии строгого режима¹ (далее — ИТК ЯЧ-91/5) в г. Сарапуре. 6. 1 сентября 2005 г. Палата Европейского Суда приняла решение применить правило 39 Регламента Европейского Суда, предписав властям государства-ответчика — вплоть до последующего уведомления — не требовать от заявителя выполнения каких-либо физических нагрузок в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуре, включая физический труд и физические упражнения. Кроме того, Суд призвал государство-ответчика проявить инициативу и организовать независимое медицинское обследование заявителя в специализированном онкоурологическом медицинском учреждении в течение одного месяца после получения уведомления Суда и далее предоставить заявителю такое медицинское лечение, которое могло потребоваться в соответствии с результатами этого обследования. Государству-ответчику было предложено информировать Суд о таковом образом принятых мерах.

7. 24 ноября 2005 г. Палата Европейского Суда приняла решение об отмене временной обеспечительной меры, предписанной ранее на основании правила 39 Регламента Европейского Суда, в той части, что касалась медицинского обследования, и продлить — вплоть до последующего уведомления — временные обеспечительные меры в той части, которая имела отношение к освобождению заявителя от любых физических нагрузок в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуре.
8. 22 июня 2006 г. Европейский Суд принял решение, что проведение слушания по делу (пункт 3 правила 59 Регламента Европейского Суда) является необязательным. Суд далее отклонил возражения государства-ответчика по поводу применения пункта 3 статьи 29 Конвенции и ходатайство заявителя о проведении следственных действий (в порядке правила «А1» Приложения к Регламенту Европейского Суда)².

ФАКТЫ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

9. Заявитель родился в 1978 году и проживает в г. Москве. В настоящее время он отбывает срок наказания в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуре.

* *От редакции:* по делу заявитель, осужденный по обвинению в убийстве, жаловался в Европейский Суд на ряд нарушений, предположительно допущенных в ходе производства по уголовному делу в суде, условия содержания в следственном изоляторе и в исправительном учреждении, непредоставление ему надлежащей медицинской помощи в местах лишения свободы и давление со стороны властей в связи с его обращением в Европейский Суд. Ряд жалоб заявителя на якобы имевшие место процессуальные нарушения в суде Европейский Суд отклонил, но признал, что по делу были нарушены требования статей 3 и 6 Конвенции, что касается условий содержания и оказания медицинской помощи в местах лишения свободы, и статьи 34 Конвенции, что касается невыполнения государством-ответчиком своего обязательства не препятствовать осуществлению права на подачу жалобы в Европейский Суд. Заявителю назначена достаточно крупная сумма компенсации морального вреда.

¹ Учреждение ЯЧ-91/5 Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике (*примечание редакции*).

² В пункте 1 правила «А1» Приложения к Регламенту Суда указывается, что по просьбе стороны в деле или по своей инициативе Палата Суда вправе предпринимать любые следственные меры, которые, по ее мнению, способны прояснить обстоятельства дела (*примечание редакции*).

А. Факты дела

1. По вопросу о досудебном производстве по уголовному делу

10. 26 сентября 2001 г. около 14 часов четверо подростков, учащихся школы для детей со сниженным слухом, во время прогулки по парку «Сокольники» по пути к трамвайной остановке увидели, как дерутся двое молодых людей. Позднее один из этих молодых людей был найден мертвым. Установлено, что его смерть наступила в указанный день. Школьники описали виденный ими инцидент своему учителю. Они заметили, что у предполагаемого преступника на голове была прическа в виде «конского хвоста» и на нем была кожаная куртка.
11. 14 мая 2002 г. в 12 часов дня сотрудники милиции явились на квартиру заявителя и предложили ему последовать за ними в отдел внутренних дел. Заявитель выполнил требование. В отделе его обыскали и поместили в камеру временно задержанных. В 14 часов его допросили в качестве свидетеля. Заявитель в частности указал, что не знал потерпевшего и никогда не слышал его имени. В 15 часов заявитель принял участие в процедуре предъявления для опознания двум из четверых школьников З. и М., которые опознали его как лицо, которого они видели принимавшим участие в драке 26 сентября 2001 г. В 16 часов следователь издал постановление о задержании заявителя. Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, данное постановление не было представлено ему для подписи. В постановлении было указано, что мать заявителя была уведомлена о его задержании.
12. В 18 час. 50 мин. следователь приступил к производству обыска в квартире заявителя. В ходе обыска были изъяты принадлежащие заявителю настольный персональный компьютер, мобильный телефон, фотоальбом, записная книжка, сумка с дискетами, кожаная куртка, две пары ботинок и две пары джинсов.
13. В промежутке времени между 20 час. 40 мин. и 21 час. 45 мин. заявитель был допрошен в качестве подозреваемого в связи с убийством, совершенным 26 сентября 2001 г.
14. 15 мая 2002 г. заявитель был переведен в изолятор временного содержания отдела внутренних дел «Сокольники» г. Москвы.
15. 17 мая 2002 г. следователь издал постановление об избрании в отношении заявителя меры пресечения в виде заключения под стражу.
16. 21 мая 2002 г. заявитель принял участие в процедуре предъявления для опознания двум другим школьникам, которые также были очевидцами драки 26 сентября 2001 г. Один из этих мальчиков, Ф., заявил, что не уверен в том, что он видел заявителя. Другой мальчик, Ш., указал, что никогда раньше не видел заявителя.
17. 24 мая 2002 г. заявителю было предъявлено обвинение в умышленном убийстве. В тот же день он был допрошен в качестве обвиняемого. Юридическую помощь заявителю оказывал адвокат К., назначенный следователем.
18. 25 мая 2002 г. заявитель был переведен в следственный изолятор 77/1¹ в г. Москве.
19. 21 июня 2002 г. адвокат К. обратился в прокуратуру с жалобой по поводу производства предварительного следствия. В своей жалобе он утверждал среди прочего, что процедуры предъявления для опознания проходили с нарушением установленных процессуальных требований. В частности, лица, предъявленные вместе с заявителем для опознания, были значительно старше его, и заявитель был единственным лицом, у кого на голове была прическа в виде «конско-

го хвоста», что значительно снизило доказательственную ценность опознания. Адвокат далее жаловался на то, что следователь не предпринял никаких мер, чтобы подтвердить алиби заявителя. В частности, г-жа Р., соседка заявителя, которая утверждала, что видела его днем 26 сентября 2001 г., г-н Х., плотник, выполнявший работы в квартире заявителя в тот день, и г-жа К., мать подруги заявителя, допрошены не были.

20. 2 июля 2002 г. прокурор удовлетворил ходатайство адвоката К. о проведении допроса г-жи Р., г-на Х., и г-жи К. в качестве свидетелей. Тем не менее, ни г-жа Р., ни г-н Х. в ходе предварительного следствия допрошены не были.
21. 8 июля 2002 г. Преображенский районный суд г. Москвы продлил срок содержания заявителя под стражей до 13 сентября 2002 г. на том основании, что, будучи обвиняемым по делу о тяжком преступлении, заявитель мог бы скрыться в период производства предварительного следствия и помешать установлению истины по делу.
22. Представляется, что в период времени между июлем и сентябрем 2002 года заявитель пригласил в качестве своего представителя адвоката А. вместо адвоката К., который ранее был назначен следователем.
23. 10 сентября 2002 г. Преображенский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 14 ноября 2002 г. по тем же основаниям, что были указаны в его постановлении, вынесенном 8 июля 2002 г.
24. 12 ноября 2002 г. Преображенской районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 14 января 2003 г. по тем же основаниям, что были указаны в его постановлении, вынесенном 8 июля 2002 г. На этом же заседании суд удовлетворил ходатайство заявителя о допуске в производство по делу его дяди в качестве представителя заявителя.
25. 21 ноября 2002 г. заявитель подал жалобу на судебное постановление о продлении срока его содержания под стражей.
26. Представляется, что 2 декабря 2002 г. судебное постановление от 12 ноября 2002 г. по результатам рассмотрения жалобы заявителя было оставлено в силе, а жалоба отклонена.
27. 18 декабря 2002 г. заявитель был уведомлен об окончании предварительного следствия. Заявитель был вновь уведомлен об окончании предварительного следствия 30 декабря 2002 г.
28. 10 января 2003 г. прокурор утвердил обвинительное заключение и передал уголовное дело в суд. В обвинительном заключении указывалось, что 26 сентября 2001 г., примерно в 14 часов, неподалеку от входа в парк «Сокольники» заявитель по неустановленным причинам поссорился с потерпевшим. Ссора переросла в драку. Вследствие «внезапно вспыхнувшей личной неприязни» заявитель ударил потерпевшего в затылок неустановленным тупым твердым предметом, а затем перерезал ему горло неустановленным острым предметом. В обвинительном заключении были перечислены доказательства с указанием листов уголовного дела. Обвинительное заключение не содержало никаких пояснений, что касается вопроса об относимости доказательств.

2. По вопросу о производстве по уголовному делу в суде

29. 4 февраля 2003 г. Преображенский районный суд назначил слушание уголовного дела на 17 февраля 2003 г. и вынес постановление оставить без изменения избранную в отношении заявителя меру пресечения.

¹ Учреждение ИЗ-77/1 («Матросская тишина») Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве (в 2002 году) (примечание редакции).

- 30.** 17 февраля 2003 г. Преображенский районный суд удовлетворил ходатайство адвоката А. о вызове г-жи Р. на слушание уголовного дела в качестве свидетеля. Суд отклонил ходатайство заявителя об участии его дяди в качестве его представителя при производстве по делу в связи с тем, что заявителя представлял адвокат. Г-н Х. присутствовал в судебном заседании вместе с другими свидетелями. Однако никто из них не был допрошен из-за того, что суд отложил судебное разбирательство в связи с тем, что была подана жалоба на постановление суда, вынесенное 4 февраля 2003 г.
- 31.** 22 апреля 2003 г. Московский городской суд отменил постановление суда, вынесенное 4 февраля 2003 г., и вернул дело на новое рассмотрение.
- 32.** 10 мая 2003 г. Преображенский районный суд постановил назначить предварительное слушание уголовного дела на 19 мая 2003 г., а меру пресечения, избранную в отношении заявителя, оставить без изменения.
- 33.** 19 мая 2003 г. Преображенский районный суд постановил назначить рассмотрение уголовного дела по существу на 12 июня 2003 г. В этот же день заявитель обратился к суду с ходатайством об исключении из перечня доказательств, предъявляемых в судебном разбирательстве, протокола его допроса от 14 мая 2002 г. и протоколов предъявлений для опознания как неприемлемых для рассмотрения судом доказательств. Прокурор заявил, что оставляет вопрос о разрешении ходатайства на усмотрение суда. Суд постановил следующее:

«Ходатайство [г-на] Попова <...> оставить без удовлетворения в связи с тем, что дело не рассматривалось по существу, судебное следствие не проводилось, поэтому оценка доказательств по делу, включая документы, которые [г-н] Попов просит исключить из рассмотрения судом, будет дана при рассмотрении уголовного дела по существу».

Суд назначил следующее судебное заседание по делу на 12 июня 2003 г.

- 34.** Судебные заседания 12 и 18 июня 2003 г. были отложены. 18 июня 2003 г. Преображенский районный суд продлил срок содержания заявителя под стражей до 18 сентября 2003 г. и отклонил ходатайство заявителя об участии его дяди в качестве его представителя при производстве по делу на том основании, что интересы заявителя представлял адвокат. Заявитель обжаловал данное постановление суда.
- 35.** 8 сентября 2003 г. Преображенский районный суд провел разбирательство уголовного дела по существу. В протоколе судебного заседания было указано, что свидетели явились в суд и были удалены из зала судебного заседания. Имена свидетелей конкретно указаны не были. Адвокат заявителя ходатайствовал о вызове соседки заявителя, г-жи Р., в судебное заседание для того, чтобы подтвердить его алиби и представить данные, характеризующие его личность. Прокурор заявил возражение против этого ходатайства на том основании, что данные, характеризующие личность заявителя, могут быть получены от его родственников. Суд вынес определение об отказе в удовлетворении ходатайства без указания каких-либо причин.
- 36.** В судебном заседании 8 сентября 2003 г. суд заслушал показания трех из четырех школьников, которые были очевидцами событий 26 сентября 2001 г. М. подтвердил в своих показаниях, что в тот день действительно видел заявителя. З. заявил, что, хотя он опознал заявителя на процедуре предъявления для опознания, в настоящий момент он не может точно вспомнить, как выглядел преступник. Ф. показал суду, что не узнаёт заявителя. Учитель свиде-

телей, допрошенный в судебном заседании, показал суду, что у этих школьников хорошее зрение, хотя в связи с особенностями их психологического склада у них наблюдаются некоторые провалы в памяти или они страдают забывчивостью, поэтому они не в состоянии по прошествии полугода адекватно вспомнить ситуацию. Суд также заслушал показания родителей потерпевшего. Его отец заявил суду, что получил анонимный звонок и ему сказали, что его сына убил заявитель. В 15 час. 56 мин. судья объявил перерыв в судебном заседании до следующего дня.

- 37.** 9 сентября 2003 г. судебное заседание было продолжено. Протокол судебного заседания не содержит информации об участии в судебном разбирательстве конкретных свидетелей. Представляется, что г-жа Р. присутствовала в судебном заседании, потому что она поставила свою подпись на документе от 9 сентября 2003 г. в подтверждение того, что она была предупреждена об уголовной ответственности за дачу ложных показаний. Документ был также подписан председательствующим. Однако г-жа Р. в судебном заседании допрошена не была.
- 38.** Преображенский районный суд заслушал показания г-жи П., матери заявителя, которая пояснила суду, что 26 сентября 2001 г. заявитель находился дома до вечернего времени и что его также видели соседка, г-жа Р., плотник, г-н Х. Подруга заявителя, г-жа К., пояснила суду, что 26 сентября 2001 г. в промежуток времени между 21 часом и 12 часами ночи они вместе с заявителем вывели на прогулку ее собаку. Г-жа К., ее мать, пояснила суду, что 26 сентября между 13 час. 30 мин. и 15 час. 30 мин. она несколько раз разговаривала с заявителем по телефону и что при этом он находился дома. Суд также заслушал показания специалиста по компьютерам, г-на Г., и друга заявителя, г-на Б.
- 39.** Представитель заявителя ходатайствовал перед судом о дополнении судебного следствия вызовом в судебное заседание и допросом г-на Х. Суд отклонил данное ходатайство на том основании, что г-н Х. был извещен о дате и времени судебного заседания, но в судебное заседание не явился.
- 40.** 10 сентября 2003 г. Преображенский районный суд признал заявителя виновным в совершении умышленного убийства и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком 10 лет. Суд установил, что 26 сентября 2001 г. примерно в 14 часов неподалеку от входа в парк «Сокольники» заявитель по неуставленным причинам поссорился с потерпевшим. Ссора переросла в драку. Вследствие «внезапно вспыхнувшей личной неприязни» заявитель ударил потерпевшего в затылок неуставленным тупым твердым предметом, а затем перерезал ему горло неуставленным острым предметом.
- 41.** Преображенский районный суд установил, что виновность заявителя в инкриминируемом преступлении подтверждается показаниями М. и З., опознавшими его как лицо, которое они видели дравшимся с потерпевшим, а также аналогичными показаниями Ф., который, однако, заметил, что только на 50 процентов уверен в том, что лицо, которое он видел, было именно заявителем. Суд учел показания учителя школьников, высказавшегося в том смысле, что у них отсутствовали отклонения в умственном развитии. Суд далее указал, что виновность заявителя подтверждается также: показаниями г-на Г., который заявил, что пароль и логин у каждого пользователя компьютером является персональным и позволяет установить местоположение пользователя и его переписку с другими пользователями; показаниями г-на Б., который подтвердил, что знал, что в Интернете заявитель пользуется сетевым псевдонимом «Спенсер» и что у него

имелась черная кожаная куртка; данными патологоанатомического исследования трупа потерпевшего; протоколами осмотра места происшествия; протоколами проверки компьютера и дискет потерпевшего и компьютера и дискет, принадлежавших некоему г-ну Х., без указания данных о его личности; рапортами о проверке личных вещей заявителя; справками от двух Интернет-провайдеров; справкой от Интернет-провайдера «МТУ-Интел», в которых указывалось, что 12 сентября 2001 г. в 23 час. 16 мин. пользователь подключился к Интернету по телефонной линии, абонентом которой является мать заявителя.

42. Преображенский районный суд отклонил ходатайство заявителя об исключении протоколов опознания как недопустимых доказательств. Учитывая показания свидетелей, которые они дали в судебном заседании, и материалы дела, суд установил, что процедура опознания проходила в соответствии процессуальными нормами. Суд далее установил, что показания г-жи П., г-жи К. и ее дочери г-жи К. не заслуживают доверия, так как, будучи родственниками заявителя, они пытались помочь ему.
43. Заявитель обжаловал приговор суда на том основании, среди прочего, что суд первой инстанции опирался на недопустимые доказательства, отклонил его ходатайство о вызове г-жи Р. на заседание суда, а также отказался объявить перерыв в заседании суда для вызова в суд г-на Х.
44. 4 ноября 2003 г. Московский городской суд рассмотрел жалобу заявителя на постановление суда первой инстанции от 18 июня 2003 г. о продлении срока содержания под стражей. Московский городской суд оставил без изменения постановление суда первой инстанции. Заявитель и его адвокат присутствовали на заседании суда.
45. 6 ноября 2003 г. Московский городской суд отправил письменное уведомление в адрес Преображенского районного суда, указывающее на то, что жалоба на постановление от 18 июня 2003 г., поданная заявителем 24 июня 2003 г., не была надлежащим образом направлена на рассмотрение и что материалы уголовного дела были получены Московским городским судом только 4 ноября 2003 г. Московский городской суд далее отметил, что жалобы на постановления суда, касающиеся применения меры пресечения, должны быть немедленно направлены в суд кассационной инстанции и что неисполнение данного предписания влечет за собой ограничение права на доступ к правосудию.
46. 20 января 2004 г. Московский городской суд по жалобе осужденного оставил приговор от 10 сентября 2003 г. без изменения. Суд, в частности, указал следующее:

«Преступление было совершено в Москве при обстоятельствах, изложенных в приговоре суда [первой инстанции].

<...>

Суд [первой инстанции] был прав, основывая свои выводы относительно виновности [заявителя] показаниями [свидетелей]. Суд [кассационной инстанции] полагает, что такая оценка <...> соответствует доказательствам, имеющимся в деле: <...> базы данных компьютера, в которых зафиксирована переписка между [заявителем] под сетевым псевдонимом «Спенсер» и потерпевшим, а также соответствующие показания [г-на Б.].

<...>

Аргумент [выдвинутый в жалобе заявителя], что его утверждение о том, что в день совершения преступления он находился дома, не был должным образом изучен, не обоснован.

<...>

Законность процессуальных действий, осуществленных по данному делу, была проверена, и выводы суда не основывались

на каких-либо доказательствах, [законность] которых может вызвать сомнение

<...>».

47. В точно не установленный день заявитель оспорил в Конституционном Суде Российской Федерации конституционность части второй статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Заявитель утверждал, что суд первой инстанции на основании этой нормы закона отказал ему в удовлетворении ходатайства о допуске в качестве защитника его дяди. Таким образом, суд первой инстанции нарушил его права, закрепленные в части второй статьи 45 Конституции Российской Федерации, которая устанавливает, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.
48. 22 апреля 2004 г. Конституционный Суд Российской Федерации отказал в принятии к рассмотрению жалобы заявителя, поскольку она не отвечает требованиям закона, в соответствии с которыми жалоба признается допустимой. Конституционный Суд установил, что часть вторая статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не содержит ограничений на участие родственников обвиняемого подсудимого в производстве по уголовному делу в суде. Таким образом, часть вторая статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации не нарушила прав заявителя, защищенных частью второй статьи 45 Конституции Российской Федерации. В том же, что касается того, что права заявителя могли быть нарушены произвольным отказом суда в допуске его родственника в качестве защитника, то заявителю надлежало воспользоваться средствами правовой защиты, которые доступны в соответствии с нормами уголовно-процессуального законодательства.

3. По вопросу о материально-бытовых условиях содержания заявителя под стражей в СИЗО 77/1

49. Между 24 мая 2002 г. и 15 февраля 2004 г. заявитель содержался под стражей в следственном изоляторе 77/1 (далее — СИЗО 77/1) в г. Москве.

(а) Версия событий в изложении заявителя

50. В период между 24 мая и 14 июня 2002 г. заявитель содержался в камере № 234. В камере площадью примерно 5 кв. м с шестью кроватями содержалось 10 заключенных. Унитаз располагался на расстоянии метра от обеденного стола при отсутствии перегородки. Пища подавалась два раза в день. В камере было маленькое окно, через которое не проникал дневной свет, а искусственное освещение никогда не отключалось. Заключенным разрешалась прогулка в течение 40 минут в день.
51. Между 14 июня и примерно 15 декабря 2002 г. заявитель содержался в камере № 118. В камере площадью 25—30 кв. м с 24 кроватями в два яруса находилось от 75 до 90 заключенных. Заключенные вынуждены были спать в три или четыре смены. В камере было очень маленькое окно без стекла, и электрическое освещение никогда не отключалось. Температура в камере была плюс 30—35°C летом и минус 10—12°C зимой. В камере всегда было очень сыро. Унитаз, расположенный на расстоянии двух или трех метров от обеденного стола, всегда был зловонным, и отсутствовала какая-либо перегородка, отделяющая его от жилой части камеры и стола. Питание обеспечивалось два раза в день. Камера кишела тараканами, вшами и клопами. Иногда заявителю приходилось находиться в камере вместе с заключенными, зараженными

туберкулезом и ВИЧ-инфекцией. Ему приходилось спать без надлежащих постельных принадлежностей. Все его личные принадлежности и продукты питания, передаваемые матерью, забирались другими заключенными предположительно с согласия администрации СИЗО.

52. В период между 15 декабря 2002 г. и 15 января 2003 г. заявитель содержался в камере №143. По его утверждению, условия содержания в данной камере были аналогичными тем, что в камере №118. В камере №143 имелось 26 кроватей на 60 заключенных.
53. В период между 15 и 30 января 2003 г. заявитель содержался в камере №739, которая находилась в ведении больницы следственного изолятора. В камере площадью примерно 6 кв. м имелось 4 кровати на 4 заключенных. Прогулки разрешены не были. Питание обеспечивалось два раза в день. Обеденного стола не было. Унитаз не был отделен от жилой части камеры перегородкой. В камере не было горячей воды. Никакой медицинской помощи не оказывалось.
55. В период между 10 марта и 15 сентября 2003 г. заявитель содержался в камере №113. Условия содержания были аналогичными тем, что и в камере №127. 50 заключенных содержались в камере площадью примерно 30 кв. м с 26 кроватями.
56. В период между 15 сентября 2003 г. и примерно 10 января 2004 г. заявитель содержался в камере №115. Условия содержания были аналогичными тем, что и в камере №127. 50 заключенных содержались в камере площадью примерно 25 кв. м с 18 кроватями.
57. В период между 10 января и примерно 14 февраля 2004 г. заявитель содержался в другой камере, возможно, №152. 60—70 заключенных содержались в камере площадью примерно 20 кв. м с 15 кроватями. Заключенные вынуждены были спать в четыре смены. Камера находилась в подвале без окна и вентиляции. Стены камеры были влажными, с конденсатом, в камере было всегда сыро, на полу стояла вода. Температура в камере была очень низкая. Унитаз располагался на расстоянии метра от обеденного стола, перегородка, разделяющая унитаз от жилой части камеры, отсутствовала.
58. Заявитель утверждал, что между декабрем 2002 года и сентябрем 2003 года он подавал несколько жалоб относительно различных аспектов своего содержания в СИЗО 77/1, в частности, в прокуратуру г. Москвы и Генеральному прокурору Российской Федерации. Однако никакого ответа он так и не получил.

(b) Версия событий в изложении государства-ответчика

59. В период между 24 и 26 мая 2002 г. заявитель находился в камере №119 площадью 52,6 кв. м, в которой одновременно содержались 39 заключенных. В период между 26 мая и 5 июня 2002 г. заявитель находился в камере №236 площадью 18,72 кв. м, в которой содержались 8 заключенных. В период между 5 июня и 9 июля 2002 г. он находился в камере №119 площадью 52,6 кв. м, в которой содержались 37 заключенных. В период между 9 июля и 25 ноября 2002 г. заявитель находился в камере №120 площадью 53,8 кв. м, в которой содержались 37 заключенных. В период между 25 ноября 2002 г. и 4 января 2003 г. он находился в камере №143 площадью 53,4 кв. м, в которой содержались 46 заключенных. В период между 4 и 23 января 2003 г. он находился в камере №127 площадью 51,2 кв. м, в которой содержались 55 заключенных. В период между 23 января и 21 марта 2003 г. он находился в камере №739 площадью 21,6 кв. м, в которой содержались 4 заключенных. В период между 21 марта и 25 августа 2003 г. заявитель находился в камере №122

площадью 52,6 кв. м, в которой содержались 58 заключенных. В период между 25 августа и 10 сентября 2003 г. он находился в камере №711 площадью 24,5 кв. м, в которой содержался 1 заключенный. В период между 10 сентября 2003 г. и 15 февраля 2004 г. заявитель был переведен в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Саранске и находился в камере площадью 40 кв. м, в которой содержались 29 заключенных.

60. В период содержания заявителя под стражей в СИЗО 77/1 ему были предоставлены кровать с постельными принадлежностями согласно установленным следственным изоляторам нормам. Он был обеспечен одеждой, соответствующей времени года. Он получал горячее питание три раза в день (завтрак, обед, ужин) согласно установленным в следственном изоляторе нормам. Он подвергался санитарной обработке один раз в неделю. Заявитель никогда не помещался в одну камеру с лицами, зараженными туберкулезом или ВИЧ-инфекцией.
4. По вопросу о предполагаемом жестоком обращении с заявителем в СИЗО 77/1
61. Заявитель утверждает, что во время пребывания в следственном изоляторе он регулярно подвергался побоям со стороны сокамерников, ему угрожали убийством якобы с согласия или даже по указанию администрации следственного изолятора и следователей с целью вынудить его к даче самообвиняющих показаний. В августе 2002 года его ударили по голове тяжелым металлическим стержнем. Он потерял сознание, получил сотрясение мозга, и его левое ухо было сильно повреждено. В августе, сентябре и ноябре 2002 года заявитель получил несколько переломов носа и гематом на лице. Он заявил в своих представлениях в Европейский Суд, что его лицо и уши были черно-синими и он мог с трудом открывать глаза. Костные части полости его носа неправильно срослись, и перегородка носа разрушилась, что привело к деформации лица. Заявитель не мог дышать одной ноздрей, у него был постоянный насморк и он практически потерял чувство обоняния. Он часто испытывал боль в ушах, а слух был ослаблен. Зрение у него также ухудшилось. Заявитель также утверждает, что часто получал удары ногой, что вызвало внутренние кровоизлияния и появление крови в моче.
62. 24 октября 2002 г. мать заявителя написала начальнику СИЗО 77/1 по вопросу о переписке, которую заявитель вел из следственного изолятора. Она указала, что в середине сентября заявитель направлял жалобы в Министерство юстиции Российской Федерации и в общественную организацию «Комитет по гражданским правам» относительно различных аспектов условий содержания в следственном изоляторе. Однако он не получил уведомления о том, что данные жалобы были направлены адресатам или ответов на них. Мать заявителя обратилась с просьбой выяснить, были ли отправлены жалобы заявителя и почему он не получил уведомление. Письмо было получено администрацией следственного изолятора на следующий день. Как представляется, ответ на него получен не был.
63. Заявитель утверждает, что неоднократно обращался с жалобами на здоровье в больницу следственного изолятора, но ни разу не был должным образом обследован врачом. В то же время в записи в медицинской карте от 1 ноября 2002 г. указано, что у него были «рассасывающиеся гематомы».
64. 26 августа 2004 г. заявитель отправил письмо своему представителю с описанием, в частности, факта своего избиения сокамерниками. Он указывал в письме, что не подавал никаких жалоб в этой связи, так как ему угрожали убийством.

65. Государство-ответчик указывает, что в период содержания в СИЗО 77/1 заявитель не подвергался жестокому обращению в каких-либо формах и никаких телесных повреждений не получал.

5. По вопросу о предполагаемом отсутствии надлежащей медицинской помощи в СИЗО 77/1

66. С 1994 года заявитель страдает раком мочевого пузыря. В 1999 году ему была проведена операция по резекции раковой опухоли с последующим курсом химиотерапии. Несмотря на проведенную операцию, состояние его здоровья требует постоянного медицинского наблюдения и специализированного лечения.

(а) Версия событий в изложении заявителя

67. По утверждению заявителя, во время его содержания в СИЗО 77/1 в г. Москве у него были приступы боли в области почек и живота, сопровождавшиеся высокой температурой 39,8°C. Он обращался с просьбами об оказании медицинской помощи почти каждую неделю. Однако ему или вообще не оказывали никакой медицинской помощи, или ее оказывали только через неделю после начала приступа. Единственное лекарство, которое он получал, был обезболивающий препарат. Ему не передавались лекарства, специально назначенные врачом урологом-онкологом и купленные его матерью по предложению больницы следственного изолятора. Несколько раз заявителю проводились анализы крови и мочи, а также ультразвуковое исследование. В 2003 году его несколько раз помещали в больницу следственного изолятора. Однако в этой больнице отсутствовало необходимое оборудование для проведения специализированных анализов, например для цистоскопии. Заявитель отказался от проведения определенных анализов, так как персонал больницы не был достаточно квалифицированным для осуществления подобных анализов. В больнице следственного изолятора не было уролога-онколога, и заявитель ни разу не обследовался квалифицированным специалистом. Ультразвуковое исследование, проведенное в августе 2003 года, показало наличие рецидивирующей опухоли в предстательной железе размером восемь миллиметров. Диагноз был подтвержден ультразвуковым обследованием, проведенным в сентябре 2003 г. Ультразвуковое обследование, проведенное в декабре 2003 года, показало, что опухоль увеличилась до девяти миллиметров. Врачи больницы проконсультировались по телефону с урологом-онкологом, доктором М., ранее наблюдавшим за состоянием здоровья заявителя. Однако больница следственного изолятора так и не сообщила доктору М. о наличии новой опухоли, что подтверждается в его отчете от 9 сентября 2004 г.

(b) Версия событий в изложении государства-ответчика

68. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, после помещения заявителя в СИЗО 77/1 24 мая 2002 г. он проинформировал больницу следственного изолятора о произведенной ему операции по удалению раковой опухоли мочевого пузыря.

69. 23 января 2003 г. он был помещен в хирургическое отделение больницы следственного изолятора, где был обследован урологом, хирургом и терапевтом, а также сдал анализ крови и прошел два ультразвуковых обследования и электрокардиограмму. Заявителю было проведено антибактериальное, противовоспалительное и укрепляющее лечение. 21 марта 2003 г. он был выписан из больницы

в удовлетворительном состоянии. В период между 6 и 19 августа 2003 г. заявитель был вновь помещен в хирургическое отделение больницы, где он прошел аналогичный курс лечения. 15 августа 2003 г. его обследовал уролог. В период между 25 августа и 3 сентября 2003 г. заявитель был помещен в терапевтическое отделение больницы. Результаты анализов и обследования не выявили никаких признаков рецидива ракового заболевания.

(с) Жалобы на медицинскую помощь в СИЗО 77/1

70. В 2002 году и 2003 году мать заявителя подавала несколько жалоб на предположительно ненадлежащую медицинскую помощь, оказываемую заявителю в следственном изоляторе.

71. 30 июля 2002 г. заведующая больницей СИЗО 77/1, г-жа Е., написала матери заявителя, что 14 июня и 30 июля 2002 г. ее сын был обследован и состояние его здоровья было найдено удовлетворительным. Он находился под постоянным наблюдением персонала больницы и в случае необходимости ему будет предоставлена медицинская помощь.

72. 4 февраля 2003 г. заведующий хирургическим отделением больницы следственного изолятора проинформировал мать заявителя, что 23 января 2003 г. ее сын был помещен в больницу для очередного осмотра. Ему был поставлен диагноз «хронический пиелонефрит, мочекаменный диатез»; его состояние было признано удовлетворительным.

73. 27 мая 2003 г. заведующая больницей проинформировала мать заявителя, что ее сыну проведено медицинское обследование. Результаты обследования были переданы урологу-онкологу, врачу М., который рекомендовал провести следующее обследование через три месяца.

74. 5 июня 2003 г. заведующая больницей отправила письмо матери заявителя с содержанием аналогичным содержанию письма от 27 мая 2003 г.

75. 1 августа 2003 г. заведующая больницей вновь написала письмо матери заявителя. Г-жа Е. проинформировала ее о том, что история болезни ее сына была передана урологу-онкологу, врачу М., и что рекомендованное обследование, а также лечение медикаментами, содержащими железо, будет проведено в ближайшем будущем. В этих целях мать заявителя попросили приобрести медикаменты, содержащие железо и витамины. Состояние здоровья заявителя было названо удовлетворительным.

76. 13 августа 2003 г. мать заявителя отправила письмо начальнику Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве с просьбой направить результаты медицинского обследования ее сына в онкологический диспансер № 3.

77. 19 августа 2003 г. мать заявителя обратилась к начальнику СИЗО 77/1 с письмом, в котором просила его объяснить, почему заявителю не было предоставлено лечение препаратом, содержащим железо, приобретенным ею по предложению больницы СИЗО.

78. 1 сентября 2003 г. заведующий терапевтическим отделением больницы следственного изолятора проинформировал мать заявителя в числе прочего о том, что анализы крови, взятые 6 и 19 августа 2003 г., не показали никаких признаков анемии. Следовательно, лечение медикаментами, содержащими железо, не требовалось. Обследование уролога-онколога и ультразвуковое сканирование рекомендовано было проводить один раз в год.

79. 2 сентября 2003 г. мать заявителя вновь написала письмо начальнику СИЗО 77/1 с содержанием аналогичным содержанию письма от 19 августа 2003 г.

- 80.** 4 сентября 2003 г. заведующий терапевтическим отделением больницы следственного изолятора повторно отправил свой ответ от 1 сентября 2003 г.
- 81.** 17 сентября 2003 г. начальник Главного управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по г. Москве, г-н З., направил ответ матери заявителя. Он, в частности, утверждал, что заявитель находился под постоянным медицинским наблюдением персонала больницы следственного изолятора и ему не требовалось специализированное стационарное лечение в онкологической клинике. Он далее отметил, что администрация следственного изолятора могла пригласить медицинских специалистов со стороны в случае необходимости, то есть когда специализированное наблюдение или лечение не могло быть предоставлено в следственном изоляторе.
- 82.** 18 сентября 2003 г. заместитель заведующего терапевтическим отделением больницы СИЗО 77/1 проинформировал мать заявителя, что обследования, проведенные в период между 6 и 19 августа 2003 г. и между 26 августа и 2 сентября 2003 г., не выявили никаких признаков анемии. Лечение медикаментами, содержащими железо, не требовалось. Медикаменты, предоставленные матерью заявителя, хранились в больнице следственного изолятора и будут возвращены ей по первому требованию.
- 6. Условия содержания и предполагаемое отсутствие надлежащей медицинской помощи в ИТК — 91/5 в г. Сарапуле*
- 83.** В период между 15 февраля и 18 марта 2004 г. заявитель был переведен в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле.
- 84.** 18 марта 2004 г. заявитель поступил в ИТК ЯЧ-91/5. Он информировал медицинскую часть учреждения об оперированном в 1994 году раке мочевого пузыря. По словам заявителя, из-за отсутствия необходимого медицинского оборудования ему не было сделано надлежащих анализов и не была предоставлена какая-либо медицинская помощь. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, заявитель отказался от проведения анализов, что подтверждается соответствующей справкой медицинского персонала учреждения.
- 85.** Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, в связи с постоянной болью в области поясницы и живота он был вынужден отказаться от обязательной работы в учреждении.
- 86.** 19 марта 2004 г. в связи с отказом от работы в учреждении заявитель прошел обследование у врача. Он жаловался на боли в области поясницы и на болезненное мочеиспускание. Врач поставил диагноз «пиелонефрит» и сделал заключение, что состояние здоровья заявителя позволяет ему выполнять работу в учреждении, исключая тяжелый физический труд.
- 87.** В тот же день в связи с отказом от работы заявитель был водворен в камеру № 5 штрафного изолятора, где он находился в течение 15 дней. Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, в камере площадью около 4 кв. м содержались четверо заключенных. В камере были двухъярусные кровати, которые раскрывались только на семь часов в ночное время, а в остальное время оставались в сложенном виде вдоль стены. Унитаз располагался на расстоянии в 0,5—1,5 м от обеденного стола, перегородка между ними отсутствовала. В камере отсутствовала вентиляция, и было очень слабое электрическое освещение. Средняя температура была плюс 9—12°C. Запрещалось кипятить воду и принимать иную пищу кроме той, что предоставлялась администрацией учреждения три раза в день. Заключенным также запрещалось

носить одежду кроме той, что предоставлялась администрацией учреждения, несмотря на то, что эта одежда была недостаточно теплой. Им запрещалось носить наручные часы и очки, хотя у заявителя зрение составляет минус четыре. Заключенных выводили на прогулку один раз в день. Состояние здоровья заявителя ухудшилось, приступы боли стали более частыми. Артериальное давление то резко поднималось, то падало, возникли затруднения движения, руки и голова начали трястись.

- 88.** Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, площадь камеры № 5 штрафного изолятора составляла 6,1 кв. м и одновременно вмещала троих заключенных. Камера была оборудована четырьмя откидными железными кроватями с деревянной обшивкой, столом, двумя лавками, унитазом, раковиной, металлической полкой для хранения предметов личной гигиены и радио.
- 89.** 3 апреля 2004 г. заявитель был водворен в камеру № 6 штрафного изолятора, где он находился в течение пяти дней. Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, условия содержания были аналогичными условиям в камере № 5. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, площадь камеры № 6 штрафного изолятора составляла 6,1 кв. м и одновременно вмещала двоих заключенных. Камера была оборудована аналогично камере № 5 штрафного изолятора.
- 90.** 9 апреля 2004 г. заявителя подвергли медицинскому обследованию в связи с его отказом делать утреннюю зарядку. Врач учреждения нашел заявителя физически годным для выполнения упражнений утренней зарядки.
- 91.** В этот же день он был водворен в камеру № 7 штрафного изолятора, где находился 15 дней. Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, в камере площадью 8 кв. м находилось 6 заключенных. Условия содержания были аналогичными тем, что в камерах № 5 и № 6 штрафного изолятора. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, площадь камеры № 7 штрафного изолятора составляет 11,8 кв. м и вмещает одновременно 5 заключенных. Она оборудована 6 складными железными кроватями, обшитыми деревом, столом, двумя лавками, унитазом, раковиной, железной полкой для хранения предметов личной гигиены, деревянным шкафом и радио.
- 92.** 26 апреля 2004 г. заявителя вновь подвергли медицинскому обследованию в связи с его отказом делать утреннюю зарядку, и он был найден физически годным для выполнения упражнений утренней зарядки.
- 93.** 27 апреля 2004 г. заявитель отправил письмо своей матери. В нем он описал плохое состояние своего здоровья, в том числе боли в почках, нестабильное артериальное давление, дрожь в руках и голове, затрудненность движений. Он писал, что не получает надлежащего лечения в учреждении и просил мать прислать ему лекарства.
- 94.** 12 мая 2004 г. заявитель подал жалобу в Главное управление исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации на отсутствие надлежащей медицинской помощи в ИТК ЯЧ-91/5 и свое водворение в камеру штрафного изолятора за отказ от работы в учреждении ввиду плохого состояния здоровья.
- 95.** 7 июня 2004 г. заявитель отправил аналогичную жалобу в Главное управление исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации.
- 96.** 30 августа 2004 г. начальник медицинской части учреждения заявил о невозможности проведения обследования заявителя из-за отсутствия квалифицированных специалистов, например урологов и онкологов, и что все требуемые анализы могут быть сделаны только в больнице ИТК ЯЧ-91/8.

- 97.** В период между 3 и 13 сентября 2004 г. заявитель был помещен в больницу ИТК ЯЧ-91/8 Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике на обследование. Ультразвуковое обследование выявило многочисленные конкременты в почках и диффузные изменения и кисты в предстательной железе. В медицинской карте заявителя отмечено, что он отказался от оперативного вмешательства.
- 98.** 10 сентября 2004 г. мать заявителя написала заявление в адрес медицинского отдела Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике с просьбой о помещении заявителя на обследование в одну из больниц, подведомственных Управлению, в связи с тем, что он не получает надлежащее медицинское наблюдение и лечение с момента его содержания в следственном изоляторе.
- 99.** 28 сентября 2004 г. представитель заявителя обратился в Министерство здравоохранения Российской Федерации с запросом о возможности обследования заявителя в одном из подведомственных этому Министерству учреждений.
- 100.** 25 октября 2004 г. заявитель написал своему представителю о том, что он страдает приступами боли после выполнения работ в учреждении и утренней зарядки. Он также указал на то, что медицинская помощь, оказываемая ему в учреждении, является неэффективной, и что записи в медицинской карте не отражают реального состояния его здоровья.
- 101.** 28 октября 2004 г. д-р Л., директор Научно-исследовательского института урологии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации в ответ на запрос представителя заявителя от 2 сентября 2004 г. дал письменное заключение о возможности рецидива раковой опухоли мочевого пузыря заявителя. Д-р Л. отметил, что отсутствие регулярного медицинского обследования пациента урологом-онкологом привело к запоздалому диагнозу и увеличило риск распространения новых раковых опухолей на соседние органы, когда оперативное вмешательство будет уже невозможно. Он заключил, что возможность появления рецидивирующей раковой опухоли мочевого пузыря нельзя исключать. Однако точный диагноз может быть поставлен только после обследования пациента в специализированной онкоурологической клинике. Для этого необходимо проведение цистоскопии и биопсии.
- 102.** 1 ноября 2004 г. начальник медицинского отдела Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике направил ответ на запрос матери заявителя от 10 сентября 2004 г. Он отметил, что в сентябре 2004 года заявитель прошел обследование в больнице ИТК ЯЧ-91/8. По результатам обследования признаков заболевания урогенитальной системы выявлено не было, а сам заявитель отказался от дальнейшего лечения. Начальник медицинского отдела Управления заключил, что состояние здоровья заявителя является удовлетворительным и он не нуждается в дальнейшем медицинском обследовании в медицинском учреждении Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике.
- 103.** 17 ноября 2004 г. Министерство здравоохранения Российской Федерации направило письмо представителя заявителя от 28 сентября 2004 г. в медицинское управление Министерства внутренних дел Российской Федерации. В

письме указывалось, что в данном деле администрация ИТК должна либо направить заявителя на лечение в одно из медицинских учреждений, подведомственных Министерству здравоохранения, или поместить заявителя в специализированное исправительное учреждение, располагающее необходимыми условиями и оборудованием для медицинского обследования и лечения.

- 104.** 29 ноября 2004 г. сотрудник медицинской службы Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации уведомил представителя заявителя, в частности, что осужденные, которым требуется медицинская помощь, включая стационарное лечение, направляются в медицинские учреждения, приданные уголовно-исполнительной системе, или, если требуется, в медицинские учреждения системы общего здравоохранения. Далее он сообщил, что цистоскопия и биопсия могут быть проведены любым врачом-хирургом. В случае выявления онкологических симптомов, учреждение, в котором содержится пациент, должно провести необходимый консилиум.
- 105.** 11 сентября 2005 г. д-р Д., уролог городской больницы №1 г. Сарапула, прибыл в больницу ИТК ЯЧ-91/1. Заявитель отказался от физического осмотра на том основании, что больница ИТК не имеет лицензии на право осуществления медицинской деятельности в сфере лечения урологических заболеваний. Как представляется, д-р Д. сделал определенные заключения на основании записей в медицинской карте заявителя.

7. Предполагаемое вмешательство администрации исправительного учреждения в переписку и контакты заявителя

- 106.** 23 октября 2004 г. заявитель получил почтовый пакет от своего представителя. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, сотрудник администрации исправительного учреждения вскрыл пакет в присутствии заявителя для проверки на предмет наличия в нем запрещенных предметов. В связи с тем, что в пакете находились только документы, они были переданы заявителю без прочтения каким-либо сотрудником администрации исправительного учреждения.
- 107.** Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, 25 и 27 января 2005 г. некие сотрудники администрации исправительного учреждения пытались заставить его отозвать жалобы, направленные в Европейский Суд, в части, касающейся ИТК ЯЧ-91/5. Они угрожали ему водворением в худшие условия заключения. Более того, 27 января 2005 г. заявителю был нанесен визит неким, отказавшимся представиться сотрудником Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике. Он спросил заявителя об оказываемой ему в учреждении медицинской помощи и сказал, что, если заявитель будет продолжать жаловаться на свое здоровье, требуемые анализы будут проводиться неспециалистами.
- 108.** 29 января 2005 г. заявитель отправил письмо своему представителю, в котором сообщал, что вся присылаемая ему корреспонденция вскрывается и проверяется администрацией исправительного учреждения. Он также описал события 25 и 27 января 2005 г.
- 109.** 14 февраля 2005 г. с заявителем вступили в контакт определенные государственные должностные лица. Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, в этот день он сначала встретился с представителем

¹ Согласно правилу 39 («Обеспечительные судебные меры») Регламента Суда по обращению стороны в деле или любого другого заинтересованного лица либо по своей инициативе Европейский Суд при рассмотрении жалобы вправе указать сторонам на обеспечительные меры, которые следует предпринять в интересах надлежащего порядка производства по делу. Уведомление о таких мерах направляется Комитету министров. При этом Суд вправе запросить у сторон информацию по любому вопросу, связанному с выполнением любой указанной обеспечительной меры (примечание редакции).

Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике, который допросил его о жалобе, направленной в Европейский Суд. Заявитель подтвердил свои жалобы относительно условий заключения и медицинского обслуживания в ИТК ЯЧ-91/5. Затем его вызвал представитель оперативного отдела, который потребовал от него представить в письменной форме заявление о том, что он не подвергался никакому давлению со стороны администрации исправительного учреждения. Заявитель отказался писать такое заявление. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, с заявителем вступили в контакт должностные лица ИТК ЯЧ-91/5, которые опрашивали его в связи с вопросами, поставленными Европейским Судом в отношении условий заключения в исправительном учреждении. По словам государства-ответчика, заявитель утверждал, что администрация исправительного учреждения обращается с ним так же, как и с остальными заключенными, и что на его переписку никакие ограничения не налагались.

110. В этот же день заявитель отправил письмо своему представителю, в котором содержалось описание данных событий.

111. 17 февраля 2005 г. с заявителем вновь вступили в контакт государственные должностные лица. Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, тот же представитель Управления Федеральной службы исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике, с которым он встречался три дня назад, провел с ним беседу в присутствии сотрудника оперативного отдела исправительного учреждения. Заявителю был задан вопрос, оказывалось ли на него давление со стороны администрации исправительного учреждения или других государственных должностных лиц в связи с его жалобами в Европейский Суд. Заявитель отказался отвечать на вопрос без предварительной консультации со своим адвокатом. Затем его спросили, подвергалась ли цензуре его переписка с адвокатом, что он подтвердил. Его также спросили об отношениях с администрацией исправительного учреждения и другими заключенными. Он заявил, что касается общих условий содержания в исправительном учреждении — оставляя в стороне вопрос об оказании на него давления в связи с его жалобами в Европейский Суд — что с ним обращаются так же, как и с остальными заключенными. Что касается отношений с другими заключенными, то конфликтов у заявителя с ними не было. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, с заявителем вступили в контакт должностные лица администрации ИТК ЯЧ-91/5, которые задавали ему вопросы в связи с запросом Европейского Суда о предоставлении фактической информации. Заявитель отказался отвечать на вопросы относительно предположительных угроз со стороны администрации исправительного учреждения без предварительной консультации со своим адвокатом.

112. 18 февраля 2005 г. заявитель отправил письмо своему представителю, описав свою состоявшуюся накануне встречу с должностными лицами.

113. Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, в период содержания в ИТК ЯЧ-91/5 несколько писем, отправленных им своему представителю, не дошли до адресата, а несколько писем, отправленных его представителем, были вскрыты и прочтены должностными лицами администрации исправительного учреждения, прежде чем были переданы ему. Согласно тому, что сообщило Европейскому Суду государство-ответчик, никакого вмешательства со стороны администрации исправительного учреждения в корреспонденцию заявителя не было. Все письма от представителя заявителя передавались заявителю в нераспечатанном виде.

8. Медицинское обследование заявителя, проведенное в порядке применения правила 39 Регламента Суда

114. 1 сентября 2005 г. Европейский Суд, действуя на основании правила 39 Регламента Суда, указал государству-ответчику не требовать от заявителя — вплоть до получения дополнительного уведомления — нести какие-либо физические нагрузки в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле, включая физический труд и физические упражнения. Далее государству-ответчику было предложено взять на себя инициативу по обеспечению независимого медицинского обследования заявителя в специализированном онкоурологическом медицинском учреждении в течение одного месяца после получения данного уведомления и в дальнейшем обеспечить таковое медицинское лечение заявителя, каковое может потребоваться по результатам медицинского обследования. Государству-ответчику было предложено уведомить Европейский Суд о принятых таким образом мерах¹.

115. 7 октября 2005 г. государство-ответчик проинформировало Европейский Суд, что 16 сентября 2005 г. заявитель прошел обследование в онкологическом диспансере в г. Ижевске. Государство-ответчик указывает, что по результатам обследования не обнаружено развития онкологического заболевания и что заявителю не требуется специальное медицинское лечение.

116. 7 октября 2005 г. представитель заявителя отправил отчет о проведенном обследовании в Европейский Суд.

117. 24 ноября 2005 г. Суд решил отменить обеспечительную меру, предписанную 1 сентября 2005 г. на основании правила 39 Регламента Суда, в части, касающейся медицинского обследования, и продлить — вплоть до получения дополнительного уведомления — действие обеспечительной меры в части, касающейся освобождения заявителя от любой физической нагрузки в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле.

118. 30 декабря 2005 г. по запросу представителя заявителя, д-р С., заместитель главного врача Научно-исследовательского института урологии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, дал письменное заключение о возможности рецидива раковой опухоли мочевого пузыря заявителя. Его заключение было утверждено д-ром Л., директором Научно-исследовательского института урологии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Д-р С. изучил результаты обследования, проведенного 16 сентября 2005 г., и сделал выводы, что цистоскопия и цитологическое обследование не дали определенного результата, и не могут исключать появление рецидивирующей раковой опухоли мочевого пузыря или дальнейшего роста опухоли. Он отметил также, что регулярное амбулаторное обследование пациентов с мышечно-инвазивным раком мочевого пузыря включает в себя проведение цистоскопии и биопсии минимум раз в год, компьютерную томографию брюшной полости и малого таза, ультразвуковое сканирование почек, мочевого пузыря, предстательной железы, печени и рентген грудной клетки.

В. Относящиеся к делу материалы

1. Медицинские документы заявителя, представленные государством-ответчиком

119. Государство-ответчик представило в Европейский Суд подборку медицинских документов заявителя. В той мере, в какой копии этих документов разборчивы, в них содержатся следующие записи.

120. В период между 2 и 16 февраля 1994 г. заявитель был помещен в реанимационное отделение больницы № 52 г. Москвы, где ему была проведена операция по резекции раковой опухоли мочевого пузыря, и было рекомендовано наблюдение врача уролога-онколога.

121. 16 марта 2002 г. (дата нечетко читается) заявитель был осмотрен урологом-онкологом, д-ром М., который рекомендовал цистоскопию.

122. В период содержания заявителя под стражей в СИЗО 77/1 в его медицинскую карту были внесены следующие записи.

29 июля 2002 г.:

«По запросу рекомендован анализ мочи. [Г-н Попов] отказался от анализа».

30 июля 2002 г.:

«Осмотр медицинским работником. Во время осмотра [Г-н Попов] не высказывает активных жалоб. Состояние удовлетворительное <...>».

1 сентября 2002 г.:

«Физический осмотр выявил наличие заживающих гематом».

3 ноября 2002 г.:

«Осмотр медицинским работником. Жалобы на периодические боли в области живота <...> Состояние удовлетворительное <...>».

23 января 2003 г.

(несколько записей, в одной неверно указана дата 23 января 2002 г.):

«[Осмотр] терапевтом. Жалобы на боль в области почек. [Г-н Попов] утверждает, что в 1994 году ему была проведена операция по удалению раковой опухоли мочевого пузыря. В 1994—1995 гг. [он] прошел курс химиотерапии. От родителей получена выписка из [истории болезни, хранящейся в] онкологического диспансера <...>. Состояние стабильное. Диагноз: опухоль мочевого пузыря <...> [Пациент должен быть] помещен в хирургическое отделение».

«[Отделение] хирургии. Жалобы на боль в области поясницы <...> Состояние удовлетворительное <...> Диагноз: <...> хронический пиелонефрит <...>».

«[Заявителю рекомендованы] анализы мочи и крови, цистоскопия, ультразвуковое обследование почек и мочевого пузыря <...> фуразолидон, анальгин, бутадиян <...> биохимический анализ крови <...> папаверин <...>».

27 января 2003 г.:

«Рапорт заведующего хирургическим отделением. Состояние удовлетворительное. Жалоб нет. У больного хронический пиелонефрит в состоянии ремиссии <...> Он получил анальгетики, противовоспалительные препараты, уроантисептики».

30 января 2003 г.:

«Состояние удовлетворительное. Жалоб нет <...>».

30 января 2003 г., результаты ультразвукового исследования брюшной полости:

«<...>Заключение: измененная форма желчного пузыря».

3 февраля 2003 г. (две записи):

«Рапорт заведующего хирургическим отделением. Состояние удовлетворительное. Жалобы на чувство тяжести в области поясницы. Больной страдает хроническим пиелонефритом в стадии ремиссии. Проходит регулярное медицинское обследование».

«[Заявителю рекомендован] анализ мочи».

5 февраля 2003 г.:

«Состояние удовлетворительное. Жалобы прежние <...>».

7 февраля 2003 г.:

«Состояние удовлетворительное. Жалобы прежние <...>».

8 февраля 2003 г.:

«[Заявителю рекомендованы] <...> папаверин, фуразолидон, анальгин, биохимический анализ крови».

10 февраля 2003 г.:

«Рапорт заведующего хирургическим отделением. Состояние удовлетворительное. Жалобы на чувство тяжести в пояснице. У пациента хронический пиелонефрит в состоянии ремиссии. Проходит регулярное медицинское обследование».

13 февраля 2003 г. (две записи):

«Состояние удовлетворительное. Жалоб нет <...>».

[«Заявителю рекомендован] анализ мочи».

17 февраля 2002 г.:

«Рапорт заведующего хирургическим отделением. Состояние удовлетворительное. Жалоб нет. В результате проведенного обследования не обнаружено признаков раковой опухоли мочевого пузыря».

20 февраля 2002 г. (две записи):

«Состояние удовлетворительное. Жалоб нет <...>»

«[Заявителю рекомендованы] папаверин, анальгин, фуразолидон».

24 февраля 2003 г.:

[Заявителю рекомендовано] ультразвуковое исследование почек и мочеточников».

28 февраля 2003 г. (две записи):

«Рапорт заведующего хирургическим отделением. Состояние удовлетворительное. Жалобы на чувство тяжести в области поясницы. У пациента по-прежнему наблюдается болевой синдром. Планируется провести ультразвуковое исследование почек и мочевыводящих путей».

«Состояние удовлетворительное. Жалобы на чувство тяжести в области поясницы <...>».

3 марта 2003 г. (две записи):

«Состояние удовлетворительное. Жалобы прежние <...>».

«[Заявителю рекомендованы] папаверин, фуразолидон, анальгин».

11 марта 2003 г.:

«Рапорт заведующего хирургическим отделением. Состояние удовлетворительное. Жалобы на чувство тяжести в области поясницы. Цистоскопия и обследование уролога-онколога запланированы на 13 марта 2003 г.».

13 марта 2003 г.:

«Состояние удовлетворительное. Жалобы прежние. Обследование уролога-онколога проведено не было по объективным причинам <...> (невозможность организовать перевозку <...>)».

17 марта 2003 г.:

«Рапорт заведующего хирургическим отделением. Состояние удовлетворительное. Жалоб нет. Цистоскопия и осмотр уролога-онколога не проведен по объективным причинам <...>».

19 марта 2003 г.:

«Состояние удовлетворительное. Жалоб нет <...> пациент отбыл для участия в судебном заседании. Перевозка для проведения цистоскопии и осмотра урологом-онкологом невозможна».

21 марта 2003 г.:

«Принимая во внимание отсутствие пациента [который должен участвовать в судебном заседании] и невозможность организовать перевозку для обследования, начиная с 13 марта 2003 г., решено выписать его <...>.. и рекомендовать проведение обследования через месяц».

25 марта 2003 г., результаты ультразвукового исследования почек:

«Заключение: жидкая масса в предстательной железе. Пиелонефрит слева».

3 апреля 2003 г.: как представляется, запись относится к консультации по телефону с урологом-онкологом:

«Консультация с урологом-онкологом. Рекомендовано: анализ мочи, ультразвуковое исследование мочевого пузыря».

8 апреля 2003 г.:

«Анализ мочи взят».

28 апреля 2003 г., результаты ультразвукового исследования мочевого пузыря:

«<...> В левой половине [предстательной железы] наблюдается круглая экзогенная опухоль размером 7 мм. Заключение: опухоль в предстательной железе».

Следующая запись датирована 24 апреля 2003 г., хотя в журнале она следует за записью от 28 апреля 2003 г.:

«Помещен под наблюдение врачей по поводу онкологического заболевания».

Следующая запись вновь датирована 3 апреля 2003 г., хотя в журнале вслед за ней идет запись от 24 апреля 2003 г.:

«Во время обследования жалоб нет. Пациент отказывается от обследования урологом-онкологом. Состояние удовлетворительное <...>. Диагноз: рак мочевого пузыря. Состояние после резекции мочевого пузыря в 1994 году [Рекомендовано:] цистоскопия в онкологическом диспансере №3».

30 апреля 2003 г.:

«Заключение: опухоль в предстательной железе. [Рекомендовано:] консультация онколога».

8 мая 2003 г.:

«Консультация по телефону с урологом-онкологом [д-р М.]. Принимая во внимание клинические данные, результаты анализ мочи и ультразвукового исследования, следов онкологических процессов не обнаружено. Рекомендуются: ультразвуковое исследование через три месяца».

14 июля 2003 г.:

«Сделаны анализы мочи и крови».

31 июля 2003 г.:

«Медицинские документы переданы для консультации уролога-онколога».

31 июля 2003 г.:

«<...>Рекомендовано: ультразвуковое исследование мочевого пузыря и малого таза, медикаменты, содержащие железо».

5 августа 2003 г.:

«Ультразвуковое исследование не может быть проведено по техническим причинам. С 6 августа 2003 г. провести курс инъекций ferum lex».

6 августа 2003 г.:

«[Пациент] госпитализирован для проведения курса лечения анемии <...>».

15 августа 2003 г., осмотр уролога:

«В настоящее время лечение железосодержащими медикаментами не показано за отсутствием симптомов <...> анемии. Рекомендовано: медицинское наблюдение <...> ультразвуковое исследование мочеполовой системы через три месяца».

22 августа 2003 г.:

«По согласованию с [д-ром М.] [пациент] периодически помещается в терапевтическое отделение <...>. для проведения антибактериального лечения и ультразвукового обследования. Госпитализировать 25 августа 2003 г. <...>».

4 декабря 2003 г., обследование перед переводом в ИТК:

«Жалобы на слабость, першение в горле, боли во всем теле, боли в пояснице, болезненное, затрудненное мочеиспускание, температура плюс 38°C <...> Диагноз: острое респираторное заболевание, состояние после резекции опухоли мочевого пузыря в 1994 году. Перевод отложен, [пациента поместить в] инфекционную палату».

15 декабря 2003 г. (две записи):

«[Г-н] Попов был помещен в инфекционную палату между 4 и 15 декабря 2003 г. <...> Он получил лечение аспирином. Он выписан в удовлетворительном состоянии <...>».

«Жалоб нет. Состояние удовлетворительное <...>».

24 декабря 2003 г., результаты ультразвукового исследования почек:

«Мочевой пузырь: форма симметричная, <...> неправильный внутренний контур, однородное содержимое. Простата: <...> неоднородная структура, увеличенная способность отражения звукового сигнала, эконегативная опухоль размером 8 мм. Заключение: симптомы хронического цистита, опухоль в предстательной железе».

Дата не указана, результаты ультразвукового исследования брюшной полости:

«<...> Заключение: симптомы хронического холецистита».

123. Во время заключения заявителя в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Саратове были сделаны следующие записи.

18 марта 2004 г., запись по прибытии заявителя в ИТК ЯЧ-91/5:

« [Г-н Попов] прошел санитарную обработку <...>».

19 марта 2004 г., осмотр по поводу отказа от работы:

«В настоящее время [г-н Попов] может привлекаться к труду за исключением тяжелой физической работы».

19 марта 2004 г., осмотр терапевта:

«Жалобы на боль в пояснице, затрудненное, болезненное мочеиспускание <...> В 1994 году [г-н Попов] перенес операцию по поводу рака мочевого пузыря <...> Диагноз: хронический пиелонефрит? Частичная ремиссия. Заболевание мочевого пузыря? Прооперированный мочевой пузырь».

9 апреля 2004 г., осмотр в связи с отказом от работы в учреждении и утренней зарядки:

«Хронический цистит <...> [Г-н Попов] в состоянии делать утреннюю зарядку».

9 апреля 2004 г.: документ, подписанный работником медицинской части, о том, что заявитель отказался от взятия анализа мочи.

26 апреля 2004 г., осмотр в связи с отказом от утренней зарядки:

«Хронический цистит <...> [Г-н Попов] в состоянии делать утреннюю зарядку».

3 сентября 2004 г.:

«[Г-н Попов] помещен в терапевтическое отделение [больницы Управления исполнения наказаний в ИТК ЯЧ-91/8] для обследования [ультразвуковое исследование и <...>]. Диагноз: новообразование в предстательной железе».

7 сентября 2004 г.: два документа, подписанные хирургами учреждения, свидетельствовавшие о том, что заявитель отказался от лечения на тех основаниях, что на тот момент у него не было жалоб на здоровье.

3—13 сентября 2004 г.:

«Хронический простатит <...> Диагноз: киста в предстательной железе (диаметр 0,8 см), мочеиспускательный диатез <...> Согласно результатам ультразвукового исследования, проведенного 7 сентября 2004 г.: симптомы множественных камней в обеих почках, симптомы хронического холецистита, изменения в предстательной железе, кисты предстательной железы. [Г-н Попов] отказался от операции <...> На момент выписки [из больницы] состояние удовлетворительное. Рекомендовано: мочегонный чай, уросептики <...>».

Дата не указана, осмотр терапевта:

«Жалобы на частое мочеиспускание <...> Диагноз: хронический пиелонефрит, хронический простатит, киста предстательной железы. Рекомендовано: профилактическое лечение в случае обострения».

13 декабря 2004 г.:

«[Г-н Попов] передал письменное заключение д-ра Л., директора Научно-исследовательского института урологии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Он не высказывал жалоб на состояние своего здоровья и не обращался в медицинскую часть [с просьбой о лечении]».

28 января 2005 г.: документ, подписанный работником медицинской части, свидетельствовавший о том, что заявитель отказался от перевозки на обследование в больницу Управления исполнения наказаний в ИТК ЯЧ-91/8.

2. Лицензии и сертификаты медицинских учреждений и их сотрудников

124. Государство-ответчик представило в Европейский Суд следующие лицензии и сертификаты, принадлежащие медицинским учреждениям и персоналу, которые оказывали медицинскую помощь заявителю.

125. Лицензия больницы СИЗО 77/1, действительная с 24 июля 2003 г. по 24 июля 2008 г., с приложением. Данная больница имеет право на осуществление следующих видов медицинской деятельности: доврачебной помощи, включая медицинское лечение, проведение рентгеноскопии, оказание фельдшерской помощи; амбулаторного лечения, включая неврологическое лечение, терапевтическое лече-

ние, стоматологическое лечение; стационарного лечения, включая анестезиологию, реанимацию, кожно-венерологическое лечение, лечение инфекционных заболеваний, лабораторно-клиническую диагностику, проведение рентгеноскопии, терапевтическое лечение, ультразвуковую диагностику, фтизиатрию, хирургию и эндоскопию.

126. Дипломы, подтверждающие квалификацию врача и специалиста больницы СИЗО 77/1, действительны с 11 декабря 1998 г. по 11 декабря 2003 г. и с 27 октября 1998 г. по 27 октября 2003 г., соответственно.

127. Приложение от 14 июля 2004 к лицензии медицинской части ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуре. Медицинская часть имеет право на осуществление следующих видов медицинской деятельности: доврачебной помощи, включая медицинское лечение; амбулаторного лечения, включая психиатрическое лечение, проведение рентгеноскопии, терапевтическое лечение, стоматологическое лечение; стационарного лечения; других видов лечения и услуг, включая общественное здравоохранение, обследование на временную нетрудоспособность, медицинский осмотр водителей.

128. Список персонала медицинской части ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуре от 27 января 2005 г. включает заместителя начальника ИТК по лечебно-профилактической работе, ранее работавшего в реанимации и терапии, психиатра, терапевта, стоматолога и трех медицинских работников среднего звена.

129. Лицензия медицинской части и больницы ИТК ЯЧ-91/8 в деревне Хохряки Удмуртской Республики действительна с 24 января 2002 г. по 24 января 2007 г. и сертификат от 24 января 2002 г. того же учреждения. Медицинская часть и больница имеют право на осуществление следующих видов медицинской деятельности: доврачебной помощи, включая лабораторную диагностику, медицинское лечение, оказание фельдшерской помощи, медицинский осмотр водителей; диагностики, включая лабораторную диагностику, бесконтактные анализы, анализы крови, биохимические анализы, иммунологические тесты, лучевую диагностику, проведение рентгеноскопии; амбулаторного лечения, включая психиатрическое лечение, терапевтическое лечение, стоматологическое лечение, хирургию; стационарного лечения, включая анестезиологию, реанимацию, клиническое переливание крови, терапевтическое лечение, хирургию.

130. Лицензия онкологического диспансера в городе Ижевске действительна с 10 марта 2005 г. по 10 марта 2010 г. Диспансер имеет право на осуществление следующих видов медицинской деятельности: доврачебной помощи, включая лабораторную диагностику, оперативное лечение, проведение рентгеноскопии, сестринское обслуживание, анестезиологию и реанимацию, гистологию и диетологию; амбулаторного лечения, включая клиническую лабораторную диагностику, рентгенологию, онкологию, ультразвуковую диагностику, эндоскопию; стационарное лечение, включая анестезиологию и реанимацию, клиническую лабораторную диагностику, патологическую анатомию, проведение рентгеноскопии, проведение ультразвукового исследования, онкологию, эндоскопию; другие виды лечения и услуг, включая обследование на временную нетрудоспособность, контроль качества медицинской помощи, эпидемиологию.

131. Документы, подтверждающие квалификацию д-ра К., уролога-онколога онкологического диспансера в г. Ижевске, который проводил осмотр заявителя 16 сентября 2005 г., включая диплом медицинского вуза, выданный 30 июня 1993 г., сертификат квалификации в онкологии действителен в течение пяти лет с 22 октября 1999 г., трудовую книжку.

3. Медицинские документы, представленные заявителем

132. 16 сентября 2003 г., справка, выданная заместителем заведующего больницей СИЗО 77/1:

«Во время пребывания в СИЗО 77/1 [г-н Попов] был обследован и проходил лечение в больнице несколько раз: в период между 23 января и 21 марта 2003 г. с диагнозом «рак мочевого пузыря», состояние после оперативного лечения; в период между 6 и 19 августа 2003 г. с диагнозом «хронический цистит в состоянии ремиссии», состояние после оперативного лечения мочевого пузыря в связи с раковой опухолью в 1994 году, «хронический простатит в состоянии ремиссии»; в период между 25 августа и 2 сентября 2003 г. с диагнозом «хронический цистит в состоянии ремиссии», состояние после оперативного лечения мочевого пузыря в связи с раковой опухолью в 1994 году, «хронический простатит в состоянии ремиссии». Во время осмотра состояние здоровья удовлетворительное. [Г-н Попов] в состоянии принимать участие в следственных и судебных действиях».

133. 19 марта 2004, справка, выданная врачом ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле:

«[Г-н Попов] прошел медицинский осмотр в связи с отказом от работы (по личным убеждениям). Жалобы: на боли в пояснице, болезненное мочеиспускание. Заключение: хронический пиелонефрит (оперированный в 1994 году мочевой пузырь). Состояние его здоровья позволяет содержать его в штрафном изоляторе».

134. 30 августа 2004 г., письмо начальника медицинской части ИТК ЯЧ-91/5:

«Не представляется возможным провести обследование [г-на Попова] в медицинской части ИТК ЯЧ-91/5 (нет урологов, онкологов или других специалистов, кроме терапевта). Все виды обследований, включая ультразвуковое исследование, цистоскопию и биохимический анализ крови могут быть проведены только в больнице [ИТК ЯЧ-91/8]».

135. 7 сентября 2004 г., письменное заключение уролога-онколога, д-ра М.:

«<...> Хронический пиелонефрит и анемия могут являться следствием проводимого лечения. Заключительный ответ о наличии (отсутствии) нового опухолевого образования может быть дан только цистоскопией».

136. 9 сентября 2004 г., справка уролога-онколога, д-ра М.:

«<...> Информация о неоплазме в мочевом пузыре [ультразвуковое обследование] не была предоставлена [СИЗО 77/1]. Медицинская карта [заявителя] была представлена медицинской частью, информация неполная».

137. 28 октября 2004 г., письменное заключение уролога-онколога д-ра Л., директора Научно-исследовательского института урологии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, полученное по запросу представителя заявителя:

«На Ваш запрос от 2 сентября 2004 г. относительно возможности того, что в настоящее время у пациента [г-н Попов] может быть рецидивирующая опухоль мочевого пузыря в стадии Т3 или Т4, мною изучены следующие материалы, предоставленные Вами:

1. Эпикриз <...> согласно которому в 1994 году пациент перенес резекцию мочевого пузыря <...>;

2. Справка от 17 марта 1995 <...> о результатах гистологического исследования <...> Был диагностирован рак мочевого пузыря Т3N0M0, был рекомендован дополнительный курс химиотерапии.

3. Выписка из медицинской карты пациента от 10 августа 2004 г., из которой следует, что пациент находится под наблюдением [в онкологическом диспансере №3] начиная с 1994 года, он регулярно проходил медицинские обследования один раз в три месяца, а с мая 2002 г. осмотр не проходил.

4. Выписка из медицинской карты пациента, которая ведется в СИЗО 77/1. Из выписки следует, что в [следственном изоляторе] в период между маем 2002 года и мартом 2004 года пациент был осмотрен только терапевтами и хирургами, которые в разное время диагностировали ему анемию, следы хронического цистита, пиелонефрит и простатит. Эта выписка однозначно показывает, что за последние два года пациент [г-н] Попов не был физически осмотрен урологом-онкологом. Врачи СИЗО 77/1 консультировались с урологом-онкологом [д-ром М.] по телефону. В то же время, в январе-феврале 2003 года ультразвуковое исследование брюшной полости показало измененную форму мочевого пузыря, пиелэктазию слева и наличие массы жидкости в предстательной железе размером 6—7 мм. Пациент также жаловался на наличие крови в моче. Другое ультразвуковое исследование, проведенное в декабре 2003 г., показало утолщение стенок мочевого пузыря до 8 мм.

5. Письменное заключение уролога-онколога [д-ра М.] от 7 сентября 2004 г. по поводу признаков хронического пиелонефрита и анемии может быть следствием проведенного лечения. Окончательный ответ относительно наличия (отсутствия) новой раковой опухоли может быть дан только цистоскопией. В своем ответе от 9 сентября 2004 г. [д-р М.] пояснил, что врачи медицинской части СИЗО 77/1 не информировали его о своих подозрениях о наличии неоплазмы в мочевом пузыре по результатам ультразвукового исследования.

6. Справка начальника медицинской части [ИТК-91/5] от 19 марта 2004 г. относительно жалоб [г-на] Попова на боли в пояснице и болезненном мочеиспускании, и [справка] от 30 августа 2004 г. о невозможности проведения обследования [г-на] Попова в связи с отсутствием в медицинской части уролога, онколога и других специалистов.

Перед тем как дать заключение, нужно отметить, что на нынешней стадии развития медицины никакое лечение от рака мочевого пузыря в стадии Т3N0M0 не может гарантировать <...> [отсутствие] нового опухолевого образования в мочевом пузыре или <...> отдаленный метастаз. В случае отсутствия постоянного медицинского наблюдения пациента урологом-онкологом после специального лечения рака мочевого пузыря, запоздалый диагноз увеличивает шансы выявления нового рака, распространяющегося на соседние органы, то есть когда радикальное хирургическое вмешательство будет уже невозможно.

В настоящем случае, на основе [вышеперечисленных] документов, принимая во внимание, что у [пациента] гематурия, вторичная анемия, утолщение и деформация стенок мочевого пузыря, согласно результатам ультразвукового исследования, и пиелэктазия на той же стороне, рецидивирующий рак исключать нельзя. Более точные заключения о состоянии здоровья пациента [г-на] Попова можно сделать только после физического осмотра в специализированном онкоурологическом медицинском учреждении с обязательной цистоскопией и биопсией».

138. 11 сентября 2005, консультация д-ра Д., уролога городской больницы №1 в г. Сарапуле в медицинской части ИТК ЯЧ-91/5.

«Во время осмотра 11 сентября 2005 г. жалоб нет. 7 сентября 2005 г. жалобы на частое болезненное мочеиспускание (со слов [заявителя] — с конкрементами). [Заявитель] отказался от физического осмотра. Принимая во внимание анамнез и записи в истории болезни, у пациента может быть мочекаменная болезнь, вторичный хронический пиелонефрит, хронический простатит, киста предстательной железы.

По результатам последних анализов мочи наблюдается обострение, возможно, связанное с выделением конкрементов.

Рекомендовано: антибактериальная терапия; уросептики; контрольный анализ мочи; ультразвуковое исследование почек, мочевого пузыря, предстательной железы; консультация уролога-онколога. Рекомендованное лечение: нитроколин <...> фурадонин <...>».

Относительно отказа от физического осмотра [пациент] написал заявление в присутствии [должностных лиц администрации учреждения].

139. 16 сентября 2005, консультация д-ра К., уролога-онколога онкологического диспансера в г. Ижевске:

«<...> Фиброцистоскопия: мочевого пузыря растягивается удовлетворительно. На левой стенке виден послеоперационный рубец — без особенностей. Слизистая оболочка шейки мочевого пузыря в зонах поражения умеренно гиперемирована. Отверстия мочеточников без особенностей. Очаги опухолевого роста визуально не наблюдаются. Заключение: нет признаков нового опухолевого образования в мочевом пузыре. Признаки хронического цистита и обострения (промывные жидкости отправлены на онкоцитологическое исследование).

Результаты онкоцитологического исследования: количество 200 мл, цвет желтый, новые элементы (неоплазма) не выявлены, имеется незначительное количество эпителиальных клеток без особенностей. Рекомендовано: диспансерное наблюдение с контрольной цистоскопией один раз в год.

Заключение по результатам <...> ультразвукового исследования: не обнаружено ультразвуковых следов опухоли мочевого пузыря. Эхогенная взвесь в мочевом пузыре. Ультразвуковые признаки хронического простатита. Киста предстательной железы <...>.

Заключение: рак мочевого пузыря. Состояние после проведения комбинированного лечения. Нет признаков прогрессирующего онкологического заболевания. В настоящее время [пациент] не нуждается в лечении в специализированном медицинском учреждении».

140. 30 декабря 2005, письменное заключение д-ра с., заместителя главного врача института урологии, подтвержденное д-ром Л., директором Научно-исследовательского института урологии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, полученное по запросу представителя заявителя:

«В дополнение к Вашему запросу от 30 декабря 2005 г. сообщая, что мною изучены следующие документы:

1. Копия протокола фиброцистоскопии от 16 сентября 2005 г.
2. Копия исследования промывных жидкостей <...> от 16 сентября 2005 г.
3. Копия протокола ультразвукового исследования мочевого пузыря и предстательной железы от 16 сентября 2005 г.
4. Копия заключения [уролога-онколога онкологического диспансера г. Ижевска].
5. Копия справки <...> от 30 сентября 2005 г., подписанная [урологом-онкологом онкологического диспансера г. Ижевска].

Учитывая информацию, содержащуюся в Вашем запросе, и на основании полученных документов, информирую Вас о следующем:

1. Не представляется возможным сделать окончательное заключение о трансформации внутреннего контура мочевого пузыря и изменениях в толщине стенок мочевого пузыря только на основании ультразвукового исследования, так как отсутствует динамика ультразвуковых исследований. В протоколе нет данных о размере левой почечной лоханки. Самая объективная информация о состоянии стенки мочевого пузыря и окружающих тканей может быть получена по результатам компьютерной или магниторезонансной томографии.

2. Полученные результаты цистоскопии и цитологические исследования <...> не могут служить достаточным основанием для того, чтобы исключить рецидивирующее опухолевое образование в мочевом пузыре или продолжающийся рост опухоли.

3. Регулярное амбулаторное обследование пациентов с мышечно-инвазивным раком (стадия T2—T4) включает следующие анализы: цистоскопию и биопсию минимум один раз в год, компьютерную томографию брюшной полости и малого таза, ультразвукового исследования почек, мочевого пузыря, предстательной железы и печени и рентгеноскопию грудной клетки».

С. Относящиеся к делу нормы национального законодательства

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года

141. Часть вторая статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации устанавливает, что при производстве по уголовному делу в качестве защитников допускаются адвокаты. По определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый.

142. Статья 220 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определяет, что в обвинительном заключении должны указываться, в частности, место и время совершения преступления, способы его совершения, мотивы, цели и последствия и другие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. В нем также должен быть указан перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты.

143. Статья 234 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации касается предварительных слушаний. Часть пятая предусматривает, что в случае, если стороной заявлено ходатайство об исключении доказательства и при отсутствии возражений другой стороны судья удовлетворяет ходатайство.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации 1997 года

144. Согласно статье 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации заключенные, водворенные в штрафной изолятор, имеют право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью один час.

Медицинская помощь и медицинская информация

145. Согласно статье 17 Федерального закона «О лицензировании определенных видов деятельности» медицинская деятельность подлежит лицензированию. Согласно Положению о лицензировании медицинской деятельности, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 4 июля 2002 г. № 499 лицензия тре-

буется на каждый вид медицинской деятельности, указанный в номенклатуре. Номенклатура работ и услуг по оказанию соответствующей медицинской помощи, была утверждена приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 26 июля 2002 г. № 238.

Согласно данной номенклатуре, урология и онкология являются отдельными видами медицинской деятельности, требующими лицензии.

- 146.** Статья 61 Основ законодательства об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 предусматривает, что информация о состоянии здоровья гражданина или и иные сведения, полученные при его обследовании и лечении, составляют врачебную тайну. Такая информация может быть предоставлена без согласия гражданина, в частности по запросу органов дознания и следствия, прокурора и суда в связи с проведением расследования или судебным разбирательством.

D. Относящиеся к делу документы Совета Европы

- 147.** Соответствующие выдержки из Общих докладов Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (далее — ЕКПП) гласят следующее:

Выдержки из Второго общего доклада ЕКПП [документ CPT/Inf(92)3]

«43 <...> В настоящее время используется следующий критерий (который следует понимать не как минимальный стандарт, а в качестве пожелания) для характеристики предназначенных для одиночного содержания камер полицейских изоляторов, в которых заключенный содержится в течение более чем, нескольких часов: такая камера должна иметь площадь порядка 7 квадратных метров, расстояние между стенами — 2 и более метра и 2,5 метра между полом и потолком <...>

46. Вопрос о переполненности мест заключения имеет прямое отношение к мандату ЕКПП. Все виды деятельности и обслуживания внутри места заключения будут ухудшены в том случае, если их придется предлагать большему числу заключенных, чем было первоначально рассчитано; общее качество жизни в учреждении будет снижено, возможно, в значительной мере. Более того, уровень переполненности места заключения, или определенной его части, может сам по себе оказаться с физической точки зрения бесчеловечным и унижающим».

Выдержки из Третьего общего доклада ЕКПП [документ CPT/Inf(93)12]

«а. Доступ к врачам

<...>35. Служба оказания медицинской помощи места заключения должна, по крайней мере, обеспечивать регулярные амбулаторные консультации и скорую помощь (конечно, в дополнение часто могут иметься отделения больничного типа с кроватями). <...> Далее, врачи места заключения должны иметь возможность приглашать для консультаций специалистов <...>.

Амбулаторное лечение должно проводиться под наблюдением медицинского персонала; во многих случаях для обеспечения процесса долечивания недостаточно инициативы, исходящей от заключенного.

36. Доступным должно быть прямое обслуживание полностью оборудованной общегражданской больницы или больницы, подведомственной месту заключения <...>.

37. В любое время, когда заключенным потребуется госпитализация или осмотр специалиста в больнице, они долж-

ны быть доставлены туда своевременно и сообразно состоянию их здоровья».

Выдержки из Седьмого общего доклада ЕКПП [документ CPT/Inf(97)10]

«13. Как ЕКПП указал в своем Втором общем докладе, вопрос о переполненности мест заключения имеет прямое отношение к мандату Комитета (сравните с пунктом 46 документа CPT/Inf(92)3). Переполненность места заключения приводит к тесноте и плохому гигиеническому состоянию помещений; постоянному отсутствию приватности (даже при пользовании туалетом); снижению числу занятий вне камеры из-за нехватки персонала администрации места заключения и условий; перегруженности медицинских служб; возрастающей напряженности внутри места заключения, а отсюда — к росту насилия в среде заключенных и между заключенными и сотрудниками администрации. Этот перечень можно продолжить.

ЕКПП ни один раз приходил к выводу, что отрицательные последствия переполненности мест заключения приводило к нечеловеческим и унижающим условиям содержания под стражей <...>».

Выдержки из Одиннадцатого общего доклада ЕКПП [документ CPT/Inf(2001)16]

«28. Феномен переполненных мест заключения продолжает поражать пенитенциарную систему по всей Европе и серьезно подрывает попытки улучшить условия содержания под стражей. Отрицательные последствия переполненности мест заключения были уже освещены в предыдущих Общих докладах ЕКПП <...>».

Доклад Правительству Азербайджана по результатам посещения Азербайджана делегацией ЕКПП с 24 ноября по 6 декабря 2002 г.

«189. <...> Норма числа заключенных на единицу площади в камерах [следственных изоляторов] должна быть снижена с тем, чтобы на каждого заключенного приходилось бы, по крайней мере, до 4 кв. м».

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМ ВОЗРАЖЕНИИ ГОСУДАРСТВА-ОТВЕТЧИКА

- 148.** По мнению государства-ответчика, утверждения заявителя, что медицинский осмотр, проведенный в порядке применения правила 39 Регламента Европейского Суда, не был полным или окончательным, приравниваются к злоупотреблению правом подачи жалобы в Европейский Суд в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции.

- 149.** Пункт 3 статьи 35 Конвенции в части, имеющей отношение к настоящему делу, гласит:

«Суд объявляет неприемлемой любую индивидуальную жалобу, поданную в соответствии со статьей 34, если сочтет ее <...> злоупотреблением правом подачи жалобы».

- 150.** Европейский Суд напоминает, что, кроме исключительных дел, жалоба может быть отклонена как злоупотребление, если она заведомо основывается на ложных фактах (см. постановление Европейского Суда от 16 сентября 1996 г. по делу «Акдивар и другие заявители против Турции» [Akdivar and Others v. Turkey] Сборник постановлений и решений Европейского Суда по пра-

вам человека 1996-IV, §§53—54; решение Европейского Суда от 6 апреля 2000 г. по делу «I.S. против Болгарии» [I.S. v. Bulgaria], жалоба №32438/96; постановление Европейского Суда по делу «Варбанов против Болгарии» [Varbanov v. Bulgaria], жалоба №31365/96, §36, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-X).

151. Учитывая характер заявлений, сделанных заявителем по настоящему делу, Европейский Суд не считает, что они приравниваются к злоупотреблению правом подачи жалобы. Исходя из этого, возражение государства-ответчика отклоняется.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

152. У заявителя имеется несколько жалоб в контексте статьи 5 Конвенции относительно его содержания под стражей до суда.

A. По вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы заявителя по данному пункту

153. Европейский Суд напоминает, что отсчет шестимесячного срока, предусмотренного пунктом 1 статьи 35 Конвенции¹, в связи с содержанием лица под стражей до суда начинается со дня вынесения судом первой инстанции приговора по уголовному делу, а не со дня вступления обвинительного приговора в законную силу (см. решение Европейского Суда от 11 января 2000 г. по делу «Дактарас против Литвы» [Daktaras v. Lithuania], жалоба №42095/98). Однако в том случае, если заявитель обжаловал законность своего содержания под стражей до суда в отдельном производстве, по результатам которого окончательное решение было вынесено после того, как судом первой инстанции был вынесен обвинительный приговор, отсчет шестимесячного срока начинается со дня вынесения этого решения.

154. Европейский Суд отмечает, что суд первой инстанции вынес в отношении заявителя обвинительный приговор 10 сентября 2003 г. Окончательное решение по его жалобе на продление срока содержания под стражей до суда было вынесено 4 ноября 2003 г. Однако жалоба в Европейский Суд была подана лишь 14 июля 2004 г., то есть в срок, превышающий шесть месяцев. Таким образом, Суд считает, что заявитель не уложился в шестимесячный срок, установленный для подачи жалобы в Европейский Суд пунктом 1 статьи 35 Конвенции.

155. Отсюда следует, что в этой части жалоба должна быть отклонена на основании пункта 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 6 КОНВЕНЦИИ

156. В своей жалобе в Европейский Суд заявитель — со ссылками на пункт 1 статьи 6 Конвенции — утверждает, что государством было допущено нарушение его права на справедливое судебное разбирательство дела в разумный срок беспристрастным судом. В частности, он жалуется на то, что обвинительное заключение по его делу не было составлено в соответствии с требованиями закона в том смысле, что в нем не были конкретизированы обстоятельства совершения преступления, в котором его обвиняли, или доказательства его виновности. По утверждению заявителя такие изъяны обвинительного за-

ключения по делу фактически возложили на него бремя доказывания собственной невиновности в последовавшем разбирательстве дела в суде. Он также жалуется на то, что его ходатайство от 19 мая 2003 г. о признании недопустимыми определенных доказательств была отклонена. Со ссылками на подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции заявитель жалуется на то, что 18 июня 2003 г. было отклонено его ходатайство о допуске в производство по делу его дяди в качестве его представителя. Со ссылками на подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции он далее жалуется на то, что было отклонено и его ходатайство о вызове г-жи Р. в судебное заседание и об объявлении перерыва в судебном заседании для вызова г-на Х.

157. Статья 6 Конвенции в части, касающейся обстоятельств данного дела, гласит следующее:

«1. Каждый <...> при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом <...>.

2. Каждый обвиняемый в совершении уголовного преступления считается невиновным, до тех пор пока его виновность не будет установлена законным порядком.

3. Каждый человек, обвиняемый в совершении уголовного преступления, имеет как минимум следующие права:

<...>

(с) защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия;

(d) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него <...>».

158. Государство-ответчик в своих представлениях в Европейский Суд указывает, что 8 сентября 2003 г. адвокат заявителя обратился к суду с ходатайством о вызове г-жи Р. в судебное заседание для подтверждения алиби заявителя и предоставления сведений, характеризующих его личность. Прокурор заявил возражение на ходатайство стороны защиты на том основании, что сведения, характеризующие личность заявителя, будут получены от его родственников. На этом основании судья Преображенского районного суда г. Москвы отклонил ходатайство адвоката заявителя. Кроме того, государство-ответчик утверждает, что факты, на которые адвокат заявителя ссылался в своем ходатайстве о допросе Р., были установлены на основании показаний г-жи Р., г-жи К. и г-жи К. Государство-ответчик далее указывает, что г-н Х. не явился в судебное заседание 8 сентября 2003 г. и ни одна из сторон не обращалась с ходатайством об отложении слушания дела.

159. Заявитель настаивает на том, что неотражение следственными органами в обвинительном заключении по делу обстоятельств совершения преступления и доказательств его виновности возложило на него бремя доказывания в суде собственной невиновности. В то же время, тот факт, что суд первой инстанции принял его дело к рассмотрению с дефектным обвинительным заключением, доказывает, что суд не был беспристрастным и фактически принял на себя функции обвинения. Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, дальнейшим доказательством этого явился и тот факт, что суд отклонил все его ходатайства об освобождении из-под стражи на период рассмотрения

¹ Согласно условиям принятия Европейским Судом жалоб к производству, установленным статьей 35 Конвенции, Суд может принять дело к рассмотрению только в течение шести месяцев со дня вынесения национальными органами окончательного решения по делу (примечание редакции).

дела в суде. Кроме того, в то время как государственный обвинитель не заявил никаких возражений на ходатайство заявителя от 19 мая 2003 г. об объявлении неприемлемыми определенных доказательств, суд первой инстанции не удовлетворил ходатайство. Суд тем самым нарушил часть пятую статьи 234 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, согласно которой при отсутствии возражений другой стороны против ходатайства об исключении доказательств суд должен удовлетворить данное ходатайство. Заявитель утверждает, что это нарушило принцип равенства процессуальных возможностей сторон в уголовном процессе равноправие и справедливый характер производства по делу в суде. Заявитель указывает, что суд первой инстанции также отклонил его ходатайство о представлении дополнительных доказательств. Кроме того, протокол судебного заседания не был точным, а некоторые показания были неправильно истолкованы или вообще не были отражены в протоколе. Заявитель также утверждает, что его право на услуги адвоката по собственному выбору было нарушено решением суда первой инстанции от 17 февраля 2003 г. об отказе его дяде в дальнейшем участии в производстве по делу в качестве его представителя.

160. Что касается свидетелей г-жи Р. и г-на Х., заявитель указывает в своих представлениях в Европейский Суд, что его ходатайство об их допросе в ходе предварительного следствия было удовлетворено заместителем прокурора 2 июля 2002 г. Однако допрос так и не состоялся. Позднее г-жа Р. была вызвана в судебное заседание. Это подтверждено ее подписью на документе от 9 сентября 2003 г., в котором она подтверждает, что в качестве свидетеля она была предупреждена об ответственности за дачу ложных показаний. Однако ей не дали возможности давать показания на суде. В любом случае отказ от ее допроса в судебном заседании на том основании, что сведения, характеризующие личность заявителя, были представлены его родственниками, был произвольным, так как сторона защиты ходатайствовала о допросе г-жи Р. для подтверждения алиби заявителя. Что же касается г-на Х., то сторона защиты ходатайствовала об отложении слушания дела 9 сентября 2003 г. с тем, чтобы вызвать его в качестве свидетеля, что отражено в протоколе судебного заседания. Подводя итог вышесказанному, заявитель утверждает, что его право на справедливое судебное заседание в разумный срок беспристрастным судом, как оно гарантируется статьей 6 Конвенции, было нарушено.

А. По вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы заявителя по данному пункту

1. По вопросу о длительности производства по уголовному делу

161. Что касается той части жалобы, в которой, как представляется, заявитель указывает на длительность производства по уголовному делу в его отношении, Европейский Суд вновь подтверждает, что разумность продолжительности срока производства по делу должна быть оценена в свете обстоятельств дела, с учетом критериев, установленных нормами прецедентного права, создаваемыми Судом; в частности, необходимо принимать во внимание сложность дела, действия заявителя и действия соответствующих ведомств (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» [*Kudła v. Poland*], жалоба № 30210/96, § 124, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-XI).

162. Европейский Суд отмечает, что производство по делу, о котором идет речь, началось 14 мая 2002 г. и завершилось 20 января 2004 г. Таким образом, оно длилось один год, восемь месяцев и восемь дней в судах двух инстанций. Суд считает, что этот срок не превышает разумный срок в значении пункта 1 статьи 6 Конвенции, и не находит, что действия российских ведомств привели к каким-либо существенным задержкам в производстве по делу.

163. Из этого следует, что в этой своей части жалоба — в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции — должна быть отклонена как явно необоснованная.

2. Другие пункты жалобы со ссылками на положения статьи 6 Конвенции

164. Европейский Суд отмечает, что в остальных своих пунктах, в которых заявитель ссылается на положения статьи 6 Конвенции, его жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд далее отмечает, что жалоба не является неприемлемой для рассмотрения по существу по каким-либо иным основаниям. Посему жалоба должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. По вопросу о существе жалобы заявителя по данному пункту

1. По вопросу о наличии предполагаемых недостатков в обвинительном заключении по делу

165. В отношении той части жалобы заявителя, которая касается презумпции невиновности, гарантированной пунктом 2 статьи 6 Конвенции, Европейский Суд считает, что нет признаков каких-либо дефектов в обвинительном заключении по делу, ведущих к признанию заявителя виновным в совершении уголовно наказуемого деяния до того, как он был признан виновным судом надлежащей юрисдикции. Что же касается той части жалобы заявителя, которая касается вопроса о справедливом характере производства по делу в суде первой инстанции, то эта часть жалобы будет рассмотрена ниже.

2. По вопросу о приемлемости протоколов опознания в качестве доказательств

166. Европейский Суд вновь повторяет, что в то время как статья 6 Конвенции гарантирует право на справедливое разбирательство дела в суде, она не устанавливает никаких правил — как таковых — о допустимости доказательств, поэтому этот вопрос является предметом регламентации в соответствии с нормами национального законодательства (см. постановление Европейского Суда от 12 июля 1988 г. по делу «Шенк против Швейцарии» [*Schenk v. Switzerland*], серия «А», № 140, стр. 29, § 45–46). В задачи Европейского Суда в принципе не входит функция установления, могут ли быть допустимыми для рассмотрения в суде определенные виды доказательств. Задача Суда состоит в том, чтобы установить, были ли соблюдены права, связанные с осуществлением защиты, в частности, путем проверки, была ли у того или иного заявителя возможность оспорить достоверность доказательств и высказаться против их использования в суде (см. *mutatis mutandis*¹, постановление Европейского Суда по делу «Алан против Соединенного Королевства» [*Allan v. the United Kingdom*], жалоба № 48539/99, § 43, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-IX).

¹ *Mutatis mutandis* (лат.) — с соответствующими изменениями (примечание редакции).

167. Европейский Суд отмечает, что 19 мая 2003 г. заявитель подал ходатайство об исключении протокола своего допроса от 14 мая 2002 г. и протоколов опознания из доказательственной базы как доказательств, недопустимых для рассмотрения в суде. Преображенский районный суд г. Москвы отклонил ходатайство заявителя на том основании, что вопрос о допустимости доказательств должен решаться при рассмотрении дела по существу. В своем приговоре от 10 сентября 2003 г. Преображенский районный суд отклонил ходатайство заявителя на том основании, что доказательства были получены в соответствии с требованиями российского законодательства. Основанием для такого вывода суда, среди прочего, были свидетельские показания, данные в судебном заседании, о том, что процедуры опознания проходили без каких-либо нарушений. Эти выводы суда первой инстанции были подтверждены 20 января 2004 г. Московским городским судом по результатам рассмотрения кассационной жалобы осужденного. Таким образом, доказательства, которые заявитель требовал исключить, были предметом исследования в ходе состязательной процедуры рассмотрения дела, и у заявителя была возможность оспорить допустимость доказательств в судах двух инстанций, которые не нашли нарушений норм российского законодательства в способах получения доказательств.

168. В данных обстоятельствах Европейский Суд считает, что в этом отношении по делу не было допущено никакого нарушения требований пункта 1 статьи 6 Конвенции.

3. По вопросу о соблюдении права заявителя защищать себя через посредство выбранного им самим защитника

169. Европейский Суд сначала отмечает, что гарантии, записанные в пункте 3 статьи 6 Конвенции, являются конкретными элементами права на справедливое судебное разбирательство в уголовном процессе, как оно изложено в пункте 1 этой же статьи. Соответственно, жалоба заявителя будет рассматриваться в контексте данных положений Конвенции, взятых вместе (см. среди прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 10 июня 1996 г. по делу «Бенхэм против Соединенного Королевства» [*Benham v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-III, стр. 756, §52).

170. Европейский Суд сразу же вновь повторяет, что статья 6 Конвенции гарантирует право обвиняемого эффективно участвовать в рассмотрении уголовного дела по существу. Вообще оно включает в себя не только право присутствовать в заседании суда, но также и право получать юридическую помощь, если это необходимо, и эффективно следовать ходу производства по делу. Эти права свойственны самой идее состязательного судопроизводства и могут также вытекать из содержания гарантий, предусмотренных подпунктами «с» и «е» пункта 3 статьи 6 Конвенции (см. среди прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 23 февраля 1994 г. по делу «Стэнфорд против Соединенного Королевства» [*Stanford v. the United Kingdom*], серия «А», №282-А. стр. 10—11, §26).

171. Европейский Суд вновь повторяет, что подпункт «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции обеспечивает обвиняемому право защищать себя через посредство «выбранного им самим» защитника. Несмотря на важность отношений доверия между адвокатом и его клиентом, право собственного выбора адвоката для ведения защиты не может считаться абсолютным (см. постановление Европейского Суда от 25 сентября 1992 г. по делу «Круассан против Германии» [*Croissant v. Germany*], серия «А», №237-В, §29).

172. Европейский Суд отмечает, что часть вторая статьи 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает, что по определению или постановлению суда в качестве защитника могут быть допущены наряду с адвокатом один из близких родственников обвиняемого или иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый. Суд, однако, отмечает, что данное полномочие суда является дискреционным. Именно национальные суды в каждом отдельном случае должны гарантировать, что у обвиняемого имеется надлежащая защита, а также решить вопрос, следует ли предоставлять разрешение о допуске в качестве защитника родственника обвиняемого или иного лица, о допуске которого тот ходатайствует.

173. Европейский Суд далее отмечает, что при производстве по уголовному делу в суде первой инстанции интересы заявителя представлял адвокат по его выбору. 17 февраля 2003 г. заявитель обратился к суду с ходатайством допустить к участию в производстве по делу своего дяди в качестве его представителя. В ходатайстве судом первой инстанции было отказано на том основании, что заявитель был представлен на слушаниях адвокатом.

174. Европейский Суд считает, что отказ суда первой инстанции допустить к участию в производстве по делу дяди заявителя в качестве его представителя не привело к нарушению прав заявителя, предусмотренных подпунктом «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, взятым в увязке с пунктом 1 статьи 6 Конвенции.

4. По вопросу об участии в судебном разбирательстве свидетелей защиты г-жи Р. и г-на Х.

175. Поскольку гарантии подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции являются конкретными элементами права на справедливое судебное разбирательство в уголовном процессе, изложенное в пункте 1 этой статьи, Европейский Суд рассмотрит пункт жалобы заявителя на непроведение в судебном заседании допроса г-жи Р. и г-на Х. в контексте этих двух положений Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 г. по делу «Аш против Австрии» [*Asch v. Austria*], серия «А», №203, стр. 10, §25).

176. Европейский Суд вновь повторяет, что вопрос о допустимости доказательств в первую очередь регламентируется нормами национального законодательства. По общему правилу, сами национальные суды должны оценивать допустимость представляемых им доказательств, а также относиться к делу доказательств, которые обвиняемые желают представить суду (см. среди прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 6 декабря 1988 г. по делу «Барбера, Мессеге и Хабардо против Испании» [*Barberà, Messegue and Jabardo v. Spain*], серия «А», №146, стр. 31, §68). Выражаясь более конкретно, в силу подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции национальные суды — опять-таки, по общему правилу — должны оценивать, есть ли необходимость в вызове свидетелей в суд для дачи показаний, и делать это «самостоятельно» в том смысле, в каком это понимается правосудительной системой, созданной на основе Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 26 апреля 1991 г. по делу «Аш против Австрии», серия «А», №203, стр. 10, §25); подпункт «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции «не требует присутствия и допроса каждого свидетеля со стороны обвиняемого: главной целью подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции — как указано выражением “на тех же условиях” — является полное “равенство процессуальных возможностей сторон” по делу» (см. среди прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 8 июня 1976 г. по делу «Энгель и другие заявители против Нидерландов» [*Engel and Others v. the Netherlands*], серия «А», №22, стр.

- 38—38, §91, и постановление Европейского Суда от 7 июля 1989 г. по делу «Брикмонт против Бельгии» [*Bricmont v. Belgium*], серия «А», №158, стр. 31, §89).
- 177.** Европейский Суд вновь повторяет, что принцип равенства процессуальных возможностей сторон по делу подразумевает, что заявителю должна быть «предоставлена разумная возможность изложить свою позицию по делу на таких условиях, в результате которых он не окажется в невыгодном положении по сравнению со своим процессуальным оппонентом» (см. постановление Европейского Суда от 22 февраля 1996 г. по делу «Булут против Австрии» [*Bulut v. Austria*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-II, §47).
- 178.** Концепцией «равенства процессуальных возможностей сторон по делу», однако, не исчерпывается содержание подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции или пункта 1 статьи 6 Конвенции, которой обозначается лишь одна из многих форм применения данных норм Конвенции. Задачей Европейского Суда является установить, было ли производство по делу, о котором идет речь, взятой в целом, справедливым, как это требуется пунктом 1 статьи 6 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 19 декабря 1990 г. по делу «Дельта против Франции» [*Delta v. France*], серия «А», №191, стр. 15, §35, и постановление Европейского Суда от 22 апреля 1992 г. по делу «Видаль против Бельгии» [*Vidal v. Belgium*], серия «А», №235-B, §33).
- 179.** Поэтому, хотя обычно национальные суды должны сами решать, есть ли необходимость или целесообразность в вызове в суд того или иного свидетеля для дачи показаний, могут быть и исключительные обстоятельства, которые могут подвести Европейский Суд к выводу, что непроведение в суде допроса того или иного лица в качестве свидетеля является нарушением требований статьи 6 Конвенции (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Брикмонт против Бельгии», §89, и постановление Европейского Суда от 18 мая 2004 г. по делу «Дестрехем против Франции» [*Destrehem v. France*], жалоба №56651/00, §41).
- 180.** Для того чтобы решить, была ли заявителю по настоящему делу предоставлена возможность изложить свою позицию по уголовному делу, не будучи поставленным в неблагоприятные условия по сравнению со своим процессуальным оппонентом, и справедливо ли было проведено судебное разбирательство, Европейский Суд сначала исследует, что было положено в основу обвинительного приговора в отношении заявителя (см., *mutatis mutandis*, вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Дестрехем против Франции», §43).
- 181.** Европейский Суд отмечает, что в основе обвинительного приговора в отношении заявителя, обвинявшегося в совершении убийства, были положены показания четырех школьников, М., З., Ф., и Ш. из школы для детей со сниженным слухом. Школьники не были очевидцами убийства, но 26 сентября 2001 г., в день убийства, они видели, как дрались двое молодых людей, а впоследствии узнали, что один из них позже в тот же день был найден мертвым. Во время процедуры предъявления для опознания, проведенной через полгода после события, М. узнал в заявителе одного из тех, кого он видел 26 сентября 2001 г., и позднее подтвердил свое показание в судебном заседании 8 сентября 2003 г. в Преображенском районном суде г. Москвы. З. заявил на процедуре предъявления для опознания, что узнал заявителя. В судебном заседании он заявил, что уже не помнит, как выглядел преступник. Ф. утверждал во время процедуры предъявления для опознания, что не уверен, что может вспомнить заявителя, а в судебном заседании заявил, что не узнал его. Ш., который не был допрошен в

судебном заседании, заявил во время процедуры предъявления для опознания, что никогда прежде не видел заявителя. Учитель школьников, допрошенный в судебном заседании, заявил, что у ребят были определенные проблемы с памятью, и они страдали забывчивостью, в связи с чем они не могли адекватно вспомнить ситуацию спустя полгода. Суд первой инстанции принял показания школьников в качестве доказательства того, что в день убийства заявитель дрался с жертвой. Таким образом, доказательства, касающиеся идентификации личности преступника, представляли собой противоречивые показания четырех школьников, которые испытывали трудности при попытке вспомнить события полугодовой давности, а процедура предъявления для опознания сама по себе была проведена более чем полгода спустя после драки, в связи с которой эта процедура производилась.

- 182.** Европейский Суд отмечает, что в своем приговоре от 10 сентября 2003 г. Преображенский районный суд указал, что виновность заявителя подтверждалась и другими доказательствами. Среди других доказательств суд перечислил протокол вскрытия трупа потерпевшего; протоколы осмотра места происшествия; протоколы осмотра компьютера и дискет потерпевшего; протоколы осмотра компьютера и дискет Х.; протоколы осмотра личных вещей заявителя; справки от Интернет-провайдеров; показание эксперта по компьютерам Г. о том, что пароль и логин у каждого пользователя были индивидуальные и позволяли установить местонахождение пользователя и его переписку с другими пользователями; показания Б., который заявил, что в Интернете заявитель пользовался сетевым псевдонимом «Спенсер» и что у него имела черная кожаная куртка. Европейский Суд отмечает, однако, что суд первой инстанции не объяснил, каким образом вышеперечисленные предметы доказывают виновность заявителя, или являются ли они на самом деле относимыми к делу, за исключением протокола вскрытия трупа потерпевшего и протоколов осмотра места происшествия, относимость к делу которых очевидна, но они лишь подтверждают факт смерти потерпевшего, не более того. В то же время суд первой инстанции не установил ни причину ссоры, произошедшей 26 сентября 2001 г., ни орудие убийства. Суд кассационной инстанции не дал собственной оценки фактам. Таким образом, по мнению Европейского Суда, обвинительный приговор, вынесенный заявителю по обвинению в убийстве, в решающей степени основывался на предположении, что заявитель участвовал в драке с потерпевшим вблизи места преступления, чему суд первой инстанции нашел подтверждение из показаний школьников.
- 183.** Европейский Суд обращает внимание, что при данных обстоятельствах, когда обвинительный приговор, вынесенный заявителю, основывался, в основном, на предположении, что он находился в определенном месте в определенное время, принцип равенства процессуальных возможностей сторон по делу и, в более общем смысле, право на справедливое судебное разбирательство — суд подразумевает, что заявителю должна быть предоставлена разумная возможность оспорить это предположение.
- 184.** Европейский Суд отмечает, что заявитель ходатайствовал о вызове в суд первой инстанции нескольких свидетелей, которые, по его мнению, могли бы подтвердить его алиби. Среди них были г-жа П., его мать, г-жа К., его близкая приятельница, г-жа К., мать его близкой приятельницы, г-жа Р., его соседка, и г-н Х., плотник, проводивший работы в квартире заявителя в тот конкретный день. Суд первой инстанции заслушал показания г-жи П., г-жи К. и г-жи К., которые сообщили подробности о том, где именно находился заявитель 26 сентября 2001 г. Они заявили, что он провел весь день дома со своей матерью,

а вечер — с близкой приятельницей. Однако суд отклонил показания свидетелей на том основании, что, будучи родственниками заявителя, они пытались ему помочь.

185. Европейский Суд отмечает далее, что в ходе предварительного следствия адвокат заявителя ходатайствовал о производстве допроса в качестве свидетелей г-жи Р. и г-на Х., которые не являются родственниками заявителя. 2 июля 2002 г. заместитель прокурора удовлетворил данное ходатайство. Однако ни г-жа Р., ни г-н Х. так и не были допрошены. 17 февраля 2003 г. Преображенский районный суд удовлетворил ходатайство адвоката заявителя о вызове г-жи Р. в судебное заседание. Однако допрошена она не была. 8 сентября 2003 г. адвокат заявителя вновь подал ходатайство о допросе г-жи Р. в судебном заседании, чтобы подтвердить алиби заявителя и получить данные, характеризующие его личность. Прокурор возразил против ходатайства на том основании, что данные, характеризующие личность заявителя, будут представлены его родственниками. Судья отклонил ходатайство без объяснения причин. Представляется, что г-жа Р. присутствовала в судебном заседании на следующий день, однако судом допрошена она не была.

186. Что касается г-на Х., то государство-ответчик указывает в своих представлениях в Европейский Суд, что 8 сентября 2003 г. ни одна из сторон не ходатайствовала отложить слушание, чтобы вызвать его в суд. Европейский Суд отмечает, что Х. явился в судебное заседание 17 февраля 2003 г., однако судебное заседание было отложено и он не был допрошен. В протоколе судебного заседания от 8 сентября 2003 г. отмечено, что свидетель «явился». В протоколе судебного заседания от 9 сентября 2003 г. нет упоминания о явке свидетеля. Однако в конце судебного заседания адвокат заявителя ходатайствовал о дополнении судебного следствия вызовом в суд г-на Х. и заслушиванием его показаний. Данное ходатайство было отклонено на том основании, что г-н Х. был извещен о заседании суда, но на него не явился. Поэтому ясно, что г-н Х. присутствовал в судебном заседании 17 февраля 2003 г., нет указаний на его отсутствие в судебном заседании 8 сентября 2003 г., а 9 сентября 2003 г. сторона защиты ходатайствовала о дополнении судебного следствия вызовом его в суд. В этих обстоятельствах Европейский Суд считает, что непроведение допроса г-на Х. в суде первой инстанции не может быть отнесено на счет собственного бездействия стороны защиты.

187. Европейский Суд далее отмечает, что, отказываясь от допроса г-жи Р. и г-на Х., суд первой инстанции не стал рассматривать вопрос, могли ли их показания иметь важность для рассмотрения дела. Однако, исходя из того, что предыдущие ходатайства стороны защиты о допросе этих свидетелей неоднократно удовлетворялись как в ходе предварительного следствия, так и в ходе судебных заседаний, из этого следует, что власти согласно с тем, что их показания могли иметь значение.

188. Совершенно очевидно, что в функции Европейского Суда не входит давать заключение об относимости доказательств или — если говорить общим образом — о виновности или невиновности заявителя. Однако Суд вполне вправе устанавливать, является ли производство по делу во всей его полноте, включая способы получения свидетельских показаний (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Аш против Австрии», §26). Принимая во внимание, что обвинительный приговор в отношении заявителя основывался на доказательствах, противоречивших друг другу, Европейский Суд считает, что отказ национальных судов от допроса свидетелей защиты без учета важности для дела их показаний привел к ограничению прав, связанных с осуществлением защиты, не совместимому с гарантиями справедливого судебного

разбирательства, воплощенными в статье 6 Конвенции (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Видал против Бельгии», §34).

189. Учитывая конкретные обстоятельства настоящего дела, Европейский Суд считает, что по делу было допущено нарушение требований подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции и пункта 1 статьи 6 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В СВЯЗИ С ЖЕСТОКИМ ОБРАЩЕНИЕМ С ЗАЯВИТЕЛЕМ В СИЗО 77/1 г. МОСКВЫ

190. Заявитель указывает в своей жалобе в Европейский Суд на то, что его соседи по камере в СИЗО 77/1 в г. Москве неоднократно избивали его и угрожали убийством, что происходило предположительно с согласия или даже по указанию администрации следственного изолятора и следователей, которые тем самым пытались вынудить его к даче самообвиняющих показаний. Европейский Суд рассмотрит данный пункт жалобы, исходя из положений статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

191. Государство-ответчик утверждает в своих представлениях в Европейский Суд, что в период содержания заявителя под стражей в следственном изоляторе он не подвергался никаким формам жестокого обращения и не получал никаких телесных повреждений.

192. Заявитель настаивает на своих утверждениях о том, что он подвергался жестокому обращению в следственном изоляторе. Он указывает в своем обращении в Европейский Суд, что его систематически избивали и угрожали убийством его соседи по камере при потворстве следственных органов и поддержке администрации следственного изолятора. Он утверждает в своей жалобе в Европейский Суд на то, что его вынуждали к даче самообвиняющих показаний с целью получения каких-то оснований для явно необоснованных уголовных обвинений против него. Заявитель указывает, что предоставил Суду точное описание фактов жестокого обращения, которому он подвергался в следственном изоляторе, и полученных им телесных повреждений. Он утверждает, что в следственном изоляторе не был осмотрен врачом в этой связи, а его заявления и жалобы по этому поводу не достигали своих адресатов. Заявитель обратил внимание Суда на запись в своей медицинской карте о заживающих окологлазничных гематомах, а также на другие записи о его жалобах на боли в пояснице, болезненное мочеиспускание и гематурию. Он настаивает на том, что эти записи являются доказательством жестокого обращения в следственном изоляторе. 10 сентября 2004 г. после перевода в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле его мать направила заявление в Управление исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике с просьбой организовать медицинский осмотр заявителя, в том числе и травматологом. Однако осмотр так и не был проведен.

А. По вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы заявителя по данному пункту

193. Европейский Суд вновь повторяет, что утверждения о жестоком обращении должны подтверждаться соответствующими доказательствами. Для оценки таких доказательств Судом взят на вооружение стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения», но при этом добавил,

доказывание на основе такого стандарта может вытекать из сосуществования достаточно прочных, ясных и согласованных выводов или аналогичных друг другу, неопровергаемых презумпций факта (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» [*Labita v. Italy*], жалоба № 26772/95, § 121, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IV). Если в момент взятия под стражу лица его здоровье находилось в нормальном состоянии, а в момент освобождения из-под стражи у него есть травмы и повреждения, государство обязано представить убедительное объяснение, каким образом были получены эти травмы; в противном случае встает вопрос о соблюдении требований статьи 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 27 августа 1992 г. по делу «Томази против Франции» [*Tomasi v. France*], серия «А», № 241-А, стр. 40—41, § 108—111, и постановление Европейского Суда от 4 декабря 1995 г. по делу «Рибич против Австрии» [*Ribitsch v. Austria*], серия «А», № 336, стр. 25—26, § 34).

194. Европейский Суд отмечает, что согласно информации, представленной в Суд заявителем, несмотря на его просьбы, медицинский осмотр в связи с предположительно полученными им телесными повреждениями так и не был проведен. Однако заявитель не представил Суду никаких других доказательств, таких, как показания свидетелей или какие-либо документы, подтверждающие, что он действительно обращался с просьбами о проведении медицинского осмотра в СИЗО 77/1 для фиксации полученных им телесных повреждений.

195. Европейский Суд далее отмечает, что в медицинской карте заявителя отсутствует запись от 1 сентября 2002 г. о заживающих окологлазничных гематомах. Ни в его медицинской карте, ни в других документах не содержится никакой информации о характере и происхождении гематом. Суд считает, что на основании этой записи он не может прийти к заключению, что эти телесные повреждения со всей определенностью являются наружными признаками применения против заявителя физической силы (см. для ознакомления с противоположной ситуацией вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Томази против Франции», § 113).

196. Кроме того, из материалов дела усматривается, что заявитель не заявлял о своих жалобах властям в тот период, когда от них можно было со всей разумностью ожидать принятия мер по обеспечению его личной неприкосновенности, а также расследовать упоминаемые обстоятельства. Что касается довода заявителя, содержащегося в его письменных замечаниях по делу, что его заявления и жалобы не были получены адресатами, то Европейский Суд отмечает: заявитель не представил никаких доказательств того, что он направлял какие-либо жалобы о предположительно жестоком с ним обращении в СИЗО 77/1 в компетентные российские органы. Более того, в письме своему представителю от 26 августа 2004 г. заявитель прямо пишет, что не направлял никаких жалоб по этому поводу, так как ему угрожали убийством. Суд отмечает, однако, что заявитель не представил никаких доказательств, таких как показания свидетелей, что ему действительно угрожали. Суд не может считать запись от 1 сентября 2002 г. доказательством угроз убийством, предположительно полученных заявителем, или сделать вывод о том, что ему иным образом препятствовали в подаче жалоб российским властям.

197. Таким образом, существует недостаточная доказательственная база для вывода — на основе стандарта «вне всякого разумного сомнения» — что заявитель подвергался жестокому обращению в СИЗО 77/1 в г. Москве,

а также, что власти не обеспечили неприкосновенность заявителя в период его содержания под стражей, или не выполнили своего процессуального обязательства — в соответствии со статьей 3 Конвенции — провести эффективное расследование по его жалобам.

198. Из этого следует, что жалоба заявителя в данном своем пункте является явно необоснованной и должна быть отклонена в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

III. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ В ОТНОШЕНИИ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ПОД СТРАЖЕЙ ДО СУДА В СИЗО 77/1 В Г. МОСКВЕ.

199. Заявитель указывает в своей жалобе в Европейский Суд на то, что доступная ему в СИЗО 77/1 в г. Москве медицинская помощь была ненадлежащей. В частности, он утверждает, что после своего задержания над ним не было установлено постоянное медицинское наблюдение, включая проведение осмотров специалистами и специализированных анализов, как полагается после операции по резекции опухоли мочевого пузыря, перенесенной им в 1994 году. Он также утверждает, что не получал соответствующего его состоянию здоровья лечения, кроме как эпизодического получения обезболивающих препаратов. Заявитель далее жалуется на якобы отвратительные материально-бытовые условия содержания в СИЗО 77/1 в г. Москве. Заявитель при этом ссылается на положения статьи 2 и 3 Конвенции. Европейский Суд изучит данный пункт жалобы, исходя из положений статьи 3 Конвенции.

(а) По вопросу об оказании заявителю медицинской помощи

200. Государство-ответчик утверждает в своих представлениях в Европейский Суд, что в период содержания заявителя под стражей в СИЗО 77/1 он несколько раз помещался в больницу при следственном изоляторе для обследования и лечения. В период между 23 января и 21 марта 2003 г. его обследовали уролог, хирург и терапевт. Заявителю были сделаны электрокардиограмма и два ультразвуковых исследования органов мочеполовой системы. У него были взяты общий и биохимический анализ крови и анализ мочи. Повторно заявитель находился на лечении в этой же больнице с 6 по 19 августа 2003 г. 15 августа 2003 г. его осмотрел уролог, который не обнаружил признаков рецидива опухоли. С 25 августа по 3 сентября 2003 г. заявитель наблюдался в терапевтическом отделении больницы. Медицинский осмотр не выявил признаков анемии, и он был выписан из больницы в удовлетворительном состоянии. Заявителя обследовали специалисты, обладавшие необходимой квалификацией. Обследование и лечение соответствовали его состоянию. Государство-ответчик отмечает, что заявитель не подавал никаких жалоб в российские суды по поводу оказывавшейся ему в следственном изоляторе медицинской помощи.

201. Заявитель выражает несогласие с утверждениями государства-ответчика. Он отмечает, что больница СИЗО 77/1 не имеет лицензии на осуществление медицинской деятельности в области урологии или онкологии. Таким образом, обследовавшие его специалисты не обладали надлежащей квалификацией для того, чтобы оценивать состояние его здоровья, не говоря уже о назначении надлежащего лечения. Он далее утверждает, что после операции, перенесенной в 1994 году, он находился под наблюдением в онкологическом диспансере № 3 г. Москвы. Он проходил регулярные медицинские обследо-

дования, включая осмотр уролога-онколога и цистоскопию один раз каждые 3—6 месяцев, и нуждается в таком же объеме наблюдения врачей и после своего задержания. Однако во время содержания под стражей в СИЗО 77/1 медицинский персонал лишь консультировался с его лечащим урологом-онкологом по телефону и не предоставлял последнему полную информацию о состоянии здоровья заявителя. В частности, его лечащего врача не проинформировали о наличии неоплазмы в предстательной железе. Заявитель не проходил физического осмотра у уролога-онколога и не сдавал специальных анализов. Он утверждает, что ему оказывавшаяся ему медицинская помощь была ненадлежащей.

(b) По вопросу о материально-бытовых условиях содержания заявителя под стражей

202. Государство-ответчик утверждает в своих представлениях в Европейский Суд, что заявитель в СИЗО 77/1 был обеспечен индивидуальным спальным местом, постельными принадлежностями и одеждой в соответствии с установленными в следственном изоляторе нормами. Уровень освещенности в камерах также соответствовал установленным нормам, и включение или выключение света осуществлялось по просьбам заключенных. Вентиляция в камерах как естественная, так и принудительная. Заявитель имел возможность принимать душ не реже одного раза в неделю. Заявитель не находился в камере вместе с лицами, инфицированными туберкулезом или ВИЧ. Он получал горячую пищу три раза в день. Государство-ответчик также отмечает, что в период между 2002 годом и 2004 годом в камерах СИЗО 77/1 проводился ремонт. Их состояние в настоящий момент является удовлетворительным. В большинстве камер унитаза отделен от жилой зоны бетонной перегородкой. В камере № 143 унитаза помещен в изолированную кабину. Во всех камерах обеспечено централизованное холодное водоснабжение, в некоторых камерах обеспечено также и централизованное горячее водоснабжение. В камерах имеется центральное отопление, и температура воздуха составляет плюс 19°C. Камеры оборудованы складными спальными местами, и заключенные обеспечивались соответствующими постельными принадлежностями. В камерах не было ни насекомых, ни грызунов. Государство-ответчик также отмечает, что заявитель не обращался в суды г. Москвы с жалобами на условия содержания в СИЗО 77/1. По мнению государства-ответчика, жалоба заявителя по данному пункту является явно необоснованной.

203. Прежде всего заявитель отмечает, что информация, представленная государством-ответчиком, относительно номеров камер, в которых он содержался, их площади и количества заключенных, содержащихся в них, отличается от представленных им данных. Он предполагает, что различия в нумерации камер могут быть вызваны тем, что в период его содержания в СИЗО 77/1 двери некоторых камер были перекрашены, а их номера изменены. Заявитель указывает, что его сведения на этот счет основаны на номерах камер, проставленных на конвертах его писем к матери, на которых указывались номера камер. Он также подозревает, что государство-ответчик представило данные о площади камер и количестве заключенных, содержащихся в них, которые имеют отношение к состоянию камер после ремонта. В целом он настаивает на точности представленного им описания условий содержания в СИЗО 77/1 и утверждает, что эти условия представляли собой нарушение требований статьи 3 Конвенции.

А. По вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы заявителя по данному пункту

204. Что касается той части замечаний государства-ответчика, в которой оно, как представляется, утверждает, что заявитель не соблюдал правило о необходимости исчерпания всех внутригосударственных средств правовой защиты, Европейский Суд вновь повторяет, что пункт 1 статьи 35 Конвенции предусматривает распределение бремени доказывания в отношении утверждений о неисчерпании средств правовой защиты. Именно государство-ответчик, которое утверждает, что заявителем не были исчерпаны внутригосударственные средства правовой защиты, обязано убедить Суд в том, что средство правовой защиты, о котором оно ведет речь, было доступно заявителю — теоретически и практически — в соответствующее время, то есть оно было ему понятно, способно загладить вред, связанный с жалобами заявителя, и предложить ему перспективу успешного рассмотрения его жалоб (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Сельмуни против Франции» [*Selmouni v. France*], жалоба № 25803/94, § 76, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 1999-V и решение Европейского Суда по делу «Мифсуд против Франции», жалоба № 57220/00, § 15, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-VIII). Суд далее вновь повторяет, что внутригосударственные средства правовой защиты должны быть «эффективными» в том смысле, что они могут предотвратить предполагаемое насилие или его продолжение либо должны обеспечить надлежащее заглаживание вреда в связи с любым уже допущенным нарушением Конвенции (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши» [*Kudła v. Poland*], жалоба № 30210/96, § 158, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR- XI).

205. Европейский Суд отмечает, что государство-ответчик просто упомянуло, что заявитель не обращался в суды г. Москвы с жалобами на условия содержания и ненадлежащую медицинскую помощь, оказывавшуюся ему в СИЗО 77/1. Государство-ответчик не уточнило, какого рода обращение в суд было бы, по его мнению, эффективным средством правовой защиты, и не представило никакой дополнительной информации о том, как такое обращение могло бы предотвратить предполагаемое нарушение или его продолжение либо могло бы загладить вред, причиненный заявителю. В отсутствие подобных доказательств и учитывая вышеназванные принципы, Европейский Суд приходит к выводу, что хотя государство-ответчик, как представляется, поднимает вопрос о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, оно не обосновало то, что средство правовой защиты, которое заявитель предположительно не исчерпал, было эффективным (см. среди прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 17 февраля 2004 г. по делу «Кранц против Польши» [*Kranz v. Poland*], жалоба № 6214/02, § 23, и решение Европейского Суда от 4 марта 2003 г. по делу «Скавинска против Польши» [*Skawinska v. Poland*], жалоба № 42096/98).

206. По вышеизложенным основаниям Европейский Суд считает, что жалоба не может быть отклонена в связи с неисчерпанием заявителем внутригосударственных средств правовой защиты. Суд считает, что жалоба в данном ее пункте не является явно необоснованной в значении положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд далее отмечает, что она не является недопустимой для рассмотрения по существу ввиду каких-либо иных оснований. Посему жалоба в данном пункте должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

В. По вопросу о существовании жалобы заявителя по данному пункту

1. Общие принципы

207. Европейский Суд напоминает, что статья 3 Конвенции воплощает одну из наиболее фундаментальных ценностей демократического общества. Статья 3 Конвенции в абсолютных выражениях запрещает пытки либо бесчеловечное или унижающее достоинство человека обращение или наказание вне зависимости от обстоятельств и поведения жертвы (см. среди прочих источников по данному вопросу постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Лабита против Италии» [*Labita v. Italy*], жалоба №26772/95, §119, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2000-IV). Однако, чтобы подпадать под действие статьи 3 Конвенции, акт ненадлежащего обращения с человеком должен достигнуть определенного минимального уровня жестокости. Оценка минимального уровня жестокости является относительной. Он зависит от всех обстоятельств дела, таких как продолжительность обращения во времени, его физические и психические последствия, а в некоторых случаях и от пола, возраста и состояния здоровья жертвы (см. постановление Европейского Суда по делу «Валашинас против Литвы» [*Valašinas v. Lithuania*], жалоба №44558/98, §100—101, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-VIII).

208. В своей прецедентной практике Европейский Суд последовательно подчеркивал, что страдание и унижение, связанные с ненадлежащим обращением с заключенным, должен, во всяком случае, превышать необходимый элемент страдания и унижения, связанный с конкретной формой правомерного обращения с заключенным или наказания (см. постановление Европейского Суда от 16 июня 2005 г. по делу «Лабзов против России» [*Labzov v. Russia*], жалоба №62208/00, §42). Меры лишения человека свободы зачастую могут содержать такой элемент. Тем не менее, в соответствии со статьей 3 Конвенции, государство должно гарантировать, что лицо содержится под стражей в условиях, совместимых с его человеческим достоинством, и что метод и способ исполнения меры не подвергают лицо душевным страданиям и тяготам такой степени тяжести, что они превышают неизбежный уровень страдания, присущий содержанию под стражей: с учетом практических требований заключения, здоровье и благополучие заключенного должны, среди прочего, гарантироваться предоставлением ему требуемой медицинской помощи (см. вышеуказанное постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Кудла против Польши», §92—94).

209. При оценке условий содержания лица под стражей должны учитываться совокупные последствия этих условий, как и конкретные утверждения заявителя (см. постановление Европейского Суда по делу «Дугоз против Греции» [*Dougoz v. Greece*], жалоба №40907/98, §46, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-II).

2. Применение общих принципов к настоящему делу

210. Европейский Суд отмечает, что в 1994 году заявитель перенес резекцию раковой опухоли мочевого пузыря, и впоследствии ему был проведен курс химиотерапии.

211. Европейский Суд отмечает, что с учетом характера заболевания заявителя его состояние требовало специализированного наблюдения врачей для своевременного диагноза и лечения рецидивирующего рака. Для установления объема такого наблюдения Суду необходимо

изучить медицинские документы, представленные сторонами. Согласно записям в медицинской карте заявителя после резекции раковой опухоли в 1994 году ему было рекомендовано состоять под наблюдением уролога-онколога. С этого времени и до своего задержания заявитель состоял на учете в онкологическом диспансере №3 г. Москвы, где проходил регулярное обследование у доктора М. Согласно заключению д-ра М. от 7 сентября 2004 г. окончательный вывод о наличии или отсутствии рецидивирующего рака может быть сделан только после проведения цистоскопии. Согласно заключению д-ра Л., директора Научно-исследовательского института урологии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации, от 28 октября 2004 г., таковой вывод может быть сделан только по результатам проведения цистоскопии и биопсии. Во время пребывания заявителя в больнице СИЗО 77/1 Москвы в период между 23 января и 21 марта 2003 г. ему были рекомендованы консультация уролога-онколога и цистоскопия. 1 сентября 2005 г. д-р Д., уролог городской больницы №1 г. Саранска, после осмотра заявителя в медицинской части ИТК ЯЧ-91/5 рекомендовал ему консультацию уролога-онколога. Д-р К., уролог-онколог онкологического диспансера в г. Ижевске, осмотревший заявителя в рамках медицинского обследования, проводившегося 16 сентября 2005 г. в порядке применения правила 39 Регламента Европейского Суда, рекомендовал диспансерное наблюдение и последующую ежегодную цистоскопию. Учитывая вышеизложенное, Европейский Суд заключает, что минимальный объем наблюдения врачей, требовавшегося при состоянии здоровья заявителя, должен был включать регулярные осмотры урологом-онкологом и проведение цистоскопии по меньшей мере один раз в год. Суд далее исследует, было ли наблюдение врачей обеспечено заявителю в данном объеме.

212. Из медицинских документов, представленных в Европейский Суд сторонами, усматривается, что в период своего содержания под стражей в СИЗО 77/1 заявитель часто жаловался на боли в пояснице и почках. Его регулярно осматривал терапевт и медицинский работник больницы следственного изолятора. Ему был сделан ряд анализов крови и мочи, проведено ультразвуковое исследование и назначены к приему определенные медикаменты. Заявителя также трижды направляли в больницу следственного изолятора для проведения обследований и лечения. Во время пребывания в больнице с 23 января по 21 марта 2003 г. его регулярно осматривал заведующий хирургическим отделением больницы. Ему были рекомендованы осмотры уролога-онколога и цистоскопия. Обследование назначалось несколько раз, но оно не было проведено, так как время назначенных осмотров совпадало со временем заседаний суда, на которые заявитель должен был являться. 21 марта 2003 г. заявитель был выписан из больницы без обследования, провести которое было назначено в течение месяца, но оно так и не состоялось. 15 августа 2003 г. заявитель был осмотрен урологом. Несколько раз врачи больницы следственного изолятора консультировались по телефону с урологом-онкологом, лечащим врачом заявителя, д-ром М. Однако согласно показаниям д-ра М. от 9 сентября 2004 г. ему была предоставлена неполная информация о состоянии здоровья заявителя. В частности, ему не сообщили о наличии в предстательной железе неоплазмы, выявленной в ходе ультразвукового исследования. По мнению Суда, тот факт, что информация о состоянии здоровья заявителя была предоставлена д-ру М. не в полном объеме, не позволил ему поставить точный диагноз и рекомендовать соответствующее лечение.

- 213.** Таким образом, в течение более чем одного года и девяти месяцев содержания под стражей заявитель не прошел обследование уролога-онколога, а также ему не была сделана цистоскопия. Учитывая свои выводы, содержащиеся выше, в пункте 211 настоящего постановления, Европейский Суд считает, что в СИЗО 77/1 заявителю не была обеспечена медицинская помощь, требуемая в соответствии с состоянием его здоровья.
- 214.** Европейский Суд далее отмечает, что по настоящему делу стороны расходятся во мнениях относительно материально-бытовых условий содержания заявителя под стражей в СИЗО 77/1 в г. Москве. Однако в данном случае Суд не считает необходимым выявлять правдивость каждого и всякого утверждения сторон, так как он может установить факт нарушения статьи 3 Конвенции на основании уже представленных Суду данных или тех фактов, которые государством-ответчиком не оспариваются.
- 215.** Главным пунктом, по которому стороны в принципе соглашаются друг с другом, это утверждение заявителя о том, что камеры в следственном изоляторе были переполнены, хотя при этом стороны дали разные данные о нумерации камер, их площади и точном числе заключенных, содержащихся в них одновременно. Из цифр, представленных государством-ответчиком, усматривается, что в течение почти полутора лет содержания заявителя под стражей в СИЗО 77/1, за исключением периодов времени, когда его помещали в больницу, на любой данный момент времени на каждого заключенного приходилось от 0,9 кв. м до 2,34 кв. м площади камеры.
- 216.** Европейский Суд напоминает, что в постановлении по делу «Пирс против Греции» камера площадью 7 кв. м для двух заключенных была названа существенным элементом при установлении по делу нарушения требований статьи 3 Конвенции, хотя фактор пространства камеры в том деле увязывался также с установленным фактом отсутствия вентиляции и освещения (см. постановление Европейского Суда по делу «Пирс против Греции» [*Peers v. Greece*], жалоба №28524/95, §70—72, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2001-III). Ситуацию заявителя тоже можно сравнить с ситуацией заявителя по делу «Калашников против России»: на заявителя по данному делу приходилось в камере пространство в 2 кв.м. В том деле Суд постановил, что такая степень переполненности камеры сама по себе ставила вопрос в контексте статьи 3 Конвенции (см. постановление Европейского Суда по делу «Калашников против России», жалоба №47095/99, §96—97, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2002-VI). Суд пришел к аналогичному заключению по делу «Лабзов против России»: на заявителя в данном деле приходилось менее 1 кв. м площади камеры в течение 35-дневного содержания под стражей (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Лабзов против России», §41—49), а также по делу «Майзит против России»: на заявителя в данном деле приходилось менее 2 кв. м площади камеры в течение более чем девяти месяцев содержания под стражей (см. постановление Европейского Суда от 20 января 2005 г. по делу «Майзит против России» [*Mayzit v. Russia*], жалоба №63378/00, §40).
- 217.** В отличие от вышеперечисленных дел по некоторым другим делам никакого нарушения требований статьи 3 Конвенции установлено не было, поскольку стесненное пространство камер, в которых спали заключенные, компенсировались свободой передвижения заключенных по учреждению в дневное время (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Валашинас против Литвы», §103, 107 и решение Европейского Суда от 16

сентября 2004 г. по делу «Нурмагомедов против России» [*Nurmagomedov v. Russia*], жалоба №30138/02). Согласно тому, что сообщил Европейскому Суду заявитель, помимо помещения его в больницу, когда прогулки разрешены не были, ему разрешались 40-минутные ежедневные прогулки за пределами камеры. Эта информация не оспаривается государством-ответчиком. Соответственно, заявитель был ограничен пространством своей камеры более 23 часов в сутки. В данных обстоятельствах Суд считает, что крайняя нехватка пространства в камере является важным аспектом, который необходимо принять во внимание при определении, являются ли обжалуемые условия содержания под стражей «унижающими достоинство» заявителя с точки зрения статьи 3 Конвенции. Тот факт, что заявитель был вынужден жить, спать и пользоваться туалетом в одной камере с таким большим количеством других заключенных, сам по себе достаточен, чтобы вызвать душевные страдания или тяготы такой степени тяжести, что они превышают неизбежный уровень страдания, присущий содержанию под стражей, и вызывают в заявителе чувства страха, душевной боли и неполноценности, которые способны оскорбить его и унижить его достоинство (см. постановления Европейского Суда по вышеуказанным делам «Пирс против Греции», «Калашников против России» и «Лабзов против России»; см. также Одиннадцатый общий доклад Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания [документ CPT/inf(2001) 16], §29).

- 218.** Европейский Суд далее ссылается на свой вывод, содержащийся выше, в пункте 213 настоящего постановления, гласящий, что заявителю не была предоставлена требуемая ему медицинская помощь. Суд отмечает, что со времени проведенной ему операции в 1994 году заявитель был хорошо информирован о состоянии своего здоровья и о рисках, связанных с ним. Он знал, что в случае дальнейшего развития ракового заболевания любая задержка с диагнозом могла иметь смертельный исход, поскольку даже хирургическое вмешательство будет уже невозможно. По мнению Суда, все это должно было привести к появлению у заявителя сильного чувства тревоги и страха, особенно учитывая, что он знал о наличии неоплазмы в предстательной железе, обнаруженной ультразвуковым исследованием, и не мог прибегнуть к помощи квалифицированного специалиста для получения решающего диагноза (см. постановление Европейского Суда от 4 октября 2005 г. по делу «Сарбан против Молдавии» [*Sarban v. Moldova*], жалоба №3456/05, §87—91).
- 219.** В свете вышеизложенного, Европейский Суд приходит к выводу, что условия содержания заявителя под стражей в сочетании с длительностью его заключения и состоянием его здоровья, усугубленные непредоставлением ему надлежащей медицинской помощи, приравниваются к бесчеловечному и унижающему достоинство человека обращению.
- 220.** Посему по делу было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ, ЧТО КАСАЕТСЯ УСЛОВИЙ СОДЕРЖАНИЯ ЗАЯВИТЕЛЯ ПОД СТРАЖЕЙ В ИТК ЯЧ-91/5 В Г. САРАПУЛЕ

- 221.** Заявитель указывает в своей жалобе в Европейский Суд на то, что медицинская помощь, доступная ему в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле, была ненадлежащей. В частности, в его отношении не было установлено требуемое постоянное наблюдение врачей, которое включало

бы обследование специалистами и взятие специализированных анализов. Он также утверждает, что не получал никакого надлежащего лечения и только иногда получал обезболивающие препараты. Заявитель далее жалуется на материально-бытовые условия содержания в камерах штрафного изолятора ИТК ЯЧ-91/6 в г. Сарапуре. Заявитель утверждает также, что при поступлении в ИТК ЯЧ-91/6 всех вновь прибывающих бреют с помощью того же бритвенного станка, который используется для бритья заключенных, инфицированных ВИЧ. По данному пункту жалобы заявитель ссылается на положения статьи 2 и 3 Конвенции. Европейский Суд изучит данный пункт жалобы, исходя из положений статьи 3 Конвенции.

(а) По вопросу об оказании заявителю медицинской помощи

222. Государство-ответчик утверждает в своих представлениях в Европейский Суд, что медицинская часть ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуре укомплектована квалифицированным персоналом, включая заместителя начальника ИТК по лечебно-профилактической работе, обладающим необходимой квалификацией в области реанимации и общей терапии, психиатра, терапевта, стоматолога и трех медицинских работников среднего звена. При поступлении заявителя в данное учреждение в марте 2004 года ему был поставлен диагноз «оперированный мочевого пузыря по поводу опухоли, хронический простатит». Заявитель проходил периодические медицинские осмотры в медицинской части и получал необходимую медицинскую помощь. В период между 7 и 13 сентября 2004 г. заявитель был помещен в больницу ИТК ЯЧ-91/8 на обследование. Ему был сделан анализ крови и мочи, а также ультразвуковое исследование брюшной полости. Ему был поставлен диагноз «хронический простатит, стадия ремиссии, киста простаты», и он был выписан из больницы в удовлетворительном состоянии. В момент выписки из больницы у заявителя не было симптомов, указывающих на необходимость дальнейшего обследования в виде цистоскопии или биопсии. Государство-ответчик также заявляет, что заявитель несколько раз отказывался от осмотров и предлагавшегося ему лечения. Государство-ответчик утверждает, что во время пребывания заявителя в ИТК ЯЧ-91/5 ему была предоставлена необходимая медицинская помощь. Государство-ответчик также утверждает, что обследование в независимом медицинском учреждении в порядке применения правила 39 Регламента Европейского Суда было проведено должным образом и в полном соответствии с указаниями Суда. Государство-ответчик настаивает на том, что утверждение заявителя о ненадлежащей медицинской помощи было опровергнуто результатами обследования. Государство-ответчик отмечает, что заявитель не обращался в российские суды с жалобами на доступную ему медицинскую помощь.

223. Заявитель не согласен с заявлениями государства-ответчика. Он отмечает, что ни у медицинской части ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуре, ни у больницы при ИТК ЯЧ-91/8 нет лицензии на право осуществления медицинской деятельности в области урологии или онкологии. Таким образом, специалисты, обследовавшие заявителя, не об-

ладали достаточной квалификацией для оценки состояния его здоровья, тем более для проведения надлежащего лечения. Заявитель признаёт, что несколько раз отказывался от осмотров именно из-за отсутствия квалифицированного персонала в медицинской части и в больнице указанных учреждений. Он далее заявляет, что во время нахождения в исправительном учреждении он не проходил регулярного осмотра у уролога-онколога, а также не проводились лабораторные исследования, требуемые для наблюдения за его здоровьем. Как следует из писем сотрудников медицинского отдела Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Удмуртской Республике от 1 и 29 ноября 2004 г., они считают, что заявитель не нуждался в какой-либо специализированной медицинской помощи. Данный вывод явно противоречит заключениям д-ра М., уролога-онколога, лечащего заявителя, и д-ра Л., директора Научно-исследовательского института урологии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации.

224. Заявитель также оспаривает результаты медицинского обследования, проведенного в порядке применения правила 39 Регламента Европейского Суда. Заявитель утверждает, что телеграмма его представителя от 7 сентября 2005 г., в которой его информируют о применении правила 39 Регламента Европейского Суда, была доставлена ему с пятидневным опозданием. Все это время администрация учреждения пыталась ввести его в заблуждение, сначала пытаясь получить от него отказ от обследования, затем пытаясь обследовать его в медицинской части учреждения, и, в конце концов, сообщив заявителю, что осмотр будет проведен только за его счет, не сообщая ему никаких подробностей относительно предлагаемого обследования и его стоимости. Когда же наконец его отвезли на осмотр в онкологический диспансер г. Ижевска, то ему не разрешили взять с собой медицинские записи, а документы, отправленные заявителю его представителем специально для обследования, были переданы только после процедуры обследования. В онкологическом диспансере г. Ижевска 16 сентября 2005 г. заявителя сопровождал конвой и начальник медицинской части учреждения. Заявителю не разрешили разговаривать с урологом-онкологом, осматривавшим него. Вся информация о здоровье заявителя предоставлялась начальником медицинской части учреждения, который также указывал врачу, что именно писать в отчете о проведенном обследовании. Он также заявил урологу-онкологу, что биопсия заявителю не требуется. Заявитель утверждает, что фактически обследование не было независимым от администрации исправительного учреждения и было нацелено на то, чтобы дискредитировать заявителя перед Европейским Судом. Более того, результаты обследования не были окончательными, так как точный диагноз о развитии онкологического заболевания мог быть сделан только на основании биопсии, подтвержденной заключениями двух ведущих специалистов из Научно-исследовательского института урологии Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации. Заявитель утверждает, что оказывавшаяся ему медицинская помощь не была надлежащей.

Окончание в следующем номере

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»

Окончание, начало см. в журнале №1 за 2007 год.

(b) По вопросу о материально-бытовых условиях содержания заявителя под стражей

225. Государство-ответчик представило Европейскому Суду фотографии камер штрафного изолятора, в которых содержался заявитель. Государство-ответчик утверждает, что камеры штрафного изолятора были оборудованы в соответствии с установленными нормами. На одного заключенного приходилось не менее 2 кв. м площади. В камерах имелось естественное и искусственное освещение в соответствии с установленными нормами и естественная вентиляция. Согласно данным отчета государственной инспекции, проведенной 27 января 2005 г., температура в камерах составляла плюс 20°C, а влажность воздуха 59 %. В камерах имелось холодное централизованное водоснабжение. Заключенным не разрешалось кипятить воду, поскольку в камерах запрещено устанавливать электрические розетки. Однако в течение дня во время приема пищи заключенным предоставлялся кипяток. Пища готовилась в кухне столовой учреждения и доставлялась в камеры в термосах три раза в день. Заключенные совершали ежедневно часовую прогулку. Во время водворения в камеры штрафного изолятора заявитель был обеспечен одеждой по сезону, и ему разрешалось носить очки. В соответствии с правилами внутреннего распорядка ему не было разрешено носить наручные часы. Ему было разрешено иметь при себе полотенце, мыло, зубную пасту и зубную щетку, туалетную бумагу, журналы и газеты, на которые он был подписан, а также религиозную литературу и предметы религиозного культа. Государство-ответчик утверждает в своих представлениях в Европейский Суд, что одновременно с заявителем в камерах штрафного изолятора лица, больные туберкулезом или ВИЧ, не содержались. Государство-ответчик также заявляет, что при водворении в камеры штрафного изолятора и освобождении из штрафного изолятора заключенные проходят медицинский осмотр. Такой осмотр они могут пройти также и в любое время по просьбе. Скорая медицинская помощь может быть вызвана дежурными сотрудниками учреждения. Во время регулярных проверок камер штрафного изолятора заявитель не обращался с жалобами на состояние своего здоровья. Государство-ответчик также отмечает, что заявитель не обращался в суды г. Сарапула с жалобами на условия содержания в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле. Государство-ответчик утверждает, что жалоба заявителя по данному пункту является явно необоснованной.

226. Заявитель настаивает на точности представленного им описания условий содержания в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле и утверждает, что эти условия представляли собой

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ПЕРВАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «ПОПОВ ПРОТИВ РОССИИ»*

(жалоба № 26853/04)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. Страсбург
13 июля 2006 г.

Настоящее постановление вступит в силу при соблюдении условий, предусмотренных пунктом 2 статьи 44 Конвенции. В текст постановления могут быть внесены редакционные изменения.

нарушение требований статьи 3 Конвенции.

А. По вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы заявителя по данному пункту

227. Что касается той части замечаний государства-ответчика, в которой оно, как представляется, утверждает, что заявитель не соблюдал правило о необходимости исчерпания всех внутригосударственных средств правовой защиты, Европейский Суд вновь повторяет, что пункт 1 статьи 35 Конвенции предусматривает распределение бремени доказывания в отношении утверждений о неисчерпании средств правовой защиты (см. примеры из прецедентной практики Европейского Суда, приведенные выше, в пункте 204

настоящего постановления).

228. Европейский Суд отмечает, что государство-ответчик просило упомянуть о том, что заявитель не обращался в суды г. Сарапула с жалобами на условия содержания и ненадлежащую медицинскую помощь в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле.

Государство-ответчик не уточнило, какого рода обращение в суд было бы, по его мнению, эффективным средством правовой защиты, и не представило никакой дополнительной информации о том, как такое обращение могло бы предотвратить предполагаемое нарушение или его продолжение либо могло бы загладить вред, причиненный заявителю. В отсутствие подобных доказательств и учитывая вышеназванные принципы, Европейский Суд приходит к выводу, что, хотя государство-ответчик, как представляется, поднимает вопрос о неисчерпании внутригосударственных средств правовой защиты, оно не обосновало то, что средство правовой защиты, которое заявитель предположительно не исчерпал, было эффективным (см. среди прочих источников по данному вопросу постановление Европейского Суда от 17 февраля 2004 г. по делу «Кранц против Польши» [*Kranz v. Poland*], жалоба № 6214/02, § 23, и решение Европейского Суда от 4 марта 2003 г. по делу «Скавинска против Польши» [*Skawinska v. Poland*], жалоба № 42096/98).

229. По вышеизложенным основаниям Европейский Суд считает, что жалоба не может быть отклонена в связи с неисчерпанием заявителем внутригосударственных средств правовой защиты. Суд считает, что жалоба в данном ее пункте не является явно необоснованной в значении положений пункта 3 статьи 35 Конвенции. Суд далее отмечает, что она не является недопустимой для рассмотрения по существу ввиду каких-либо иных оснований. Посему жалоба в данном пункте должна быть объявлена приемлемой для рассмотрения по существу.

* От редакции: по делу заявитель, осужденный по обвинению в убийстве, жаловался в Европейский Суд на ряд нарушений, предположительно допущенных в ходе производства по уголовному делу в суде, условия содержания в следственном изоляторе и в исправительном учреждении, непредоставление ему надлежащей медицинской помощи в местах лишения свободы и давление со стороны властей в связи с его обращением в Европейский Суд. Ряд жалоб заявителя на якобы имевшие место процессуальные нарушения в суде Европейский Суд отклонил, но признал, что по делу были нарушены требования статей 3 и 6 Конвенции, что касается условий содержания и медицинской помощи в местах лишения свободы, и статьи 34 Конвенции, что касается невыполнения государством-ответчиком своего обязательства не препятствовать осуществлению права на подачу жалобы в Европейский Суд. Заявителю назначена достаточно крупная сумма компенсации морального вреда.

В. По вопросу о существовании жалобы заявителя по данному пункту

1. Общие принципы

230. Основные принципы изложены выше, в пунктах 207—209 настоящего постановления.

2. Применение общих принципов к настоящему делу

231. Европейский Суд установил, что после перенесенной в 1994 году операции по резекции раковой опухоли мочевого пузыря заявитель нуждается в постоянной медицинской помощи, включая регулярные осмотры урологом-онкологом и проведение цистоскопии по меньшей мере один раз в год (см. выше п. 211 настоящего постановления). Суд далее исследует, было ли заявителю обеспечено требуемое наблюдение врачей в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле.

232. Из медицинских документов, представленных в Европейский Суд сторонами, усматривается, что в период своего содержания под стражей в ИТК ЯЧ-91/5 заявитель жаловался на боли в пояснице и почках. По его просьбам его осмотрел врач, и один раз он был помещен в больницу ИТК ЯЧ-91/8 Управления исполнения наказаний Министерства юстиции Российской Федерации по Удмуртской Республике. Были проведены определенные лабораторные исследования, включавшие анализы крови, мочи и проведение ультразвукового исследования. 11 сентября 2005 г. д-р Д., уролог городской больницы № 1 г. Сарапула, прибыл в медицинскую часть ИТК ЯЧ-91/5 для проведения осмотра заявителя. Заявитель, однако, от физического осмотра отказался.

233. 1 сентября 2005 г. в порядке применения правила 39 Регламента Европейского Суда, Суд предложил государству-ответчику, среди прочего, обеспечить независимое медицинское обследование заявителя в специализированном онкоурологическом медицинском учреждении. 16 сентября 2005 г. заявитель был осмотрен урологом-онкологом, д-ром К., в онкологическом диспансере г. Ижевска, а также прошел цистоскопию. Согласно тому, что было указано в результатах медицинского обследования, проведенного в порядке применения правила 39 Регламента Европейского Суда, у пациента не обнаружено рецидивирующего рака, и он не нуждался в лечении в специализированном учреждении. Одновременно ему было рекомендовано диспансерное наблюдение и проведение цистоскопии один раз в год.

234. Европейский Суд отмечает, что заявитель оспаривает результаты данного медицинского обследования. Во-первых, заявитель утверждает, что фактически медицинское обследование не было независимым, так как начальник медицинской части исправительного учреждения присутствовал на осмотре и уролог-онколог, д-р Д., составлял свое заключение заявителя по его указаниям. Во-вторых, он утверждает, что результаты обследования не являются окончательными, поскольку не была проведена биопсия.

235. Что касается первого аргумента заявителя, то Европейский Суд считает, что онкологический диспансер в г. Ижевске является гражданским медицинским учреждением, не связанным с уголовно-исполнительной системой России. Следовательно, диспансер сам по себе и обследовавший заявителя уролог-онколог, д-р К., являются институционально независимыми как от медицинской части ИТК ЯЧ-91/5, так и от Федеральной службы исполнения наказаний. Что же касается утверждений заявителя, что д-р К. составлял заключение по результатам осмотра заявителя, следуя указаниям начальника медицинской части ИТК ЯЧ-91/5, то эти утверждения не подкреплены доказательствами. Следовательно, Суд счита-

ет, что обследование заявителя в этом диспансере было независимым.

236. Что касается второго аргумента заявителя, то Европейский Суд вновь отсылает к своим выводам, содержащимся выше, в пункте 211 настоящего постановления, и гласящим, что минимальный объем наблюдения врачей, требовавшегося при состоянии здоровья заявителя, должен был включать регулярные осмотры урологом-онкологом и проведение цистоскопии. Суд согласен с тем, что в дополнение к этому минимальному объему наблюдения врачей другие анализы, например биопсия, могли потребоваться или быть рекомендованы заявителю в зависимости от фактического состояния его здоровья. Однако Суд считает, что оценить, необходимы ли эти анализы в дополнение к проведенным обследованиям, надлежало именно урологу-онкологу, проводившему осмотры заявителя. Суд отмечает, что его рекомендации сводились к необходимости диспансерного наблюдения и цистоскопии. При данных обстоятельствах Суд считает, что отсутствуют основания для сомнения в полноте и достоверности проведенного обследования.

237. Европейский Суд отмечает, что заявитель поступил в ИТК ЯЧ-91/5 18 марта 2004 г. Он был осмотрен урологом-онкологом и прошел цистоскопию в онкологическом диспансере в г. Ижевске 16 сентября 2005 г., то есть через полтора года после поступления в исправительное учреждение и только после того, как данный осмотр был предписан Судом в порядке применения правила 39 Регламента Европейского Суда. Более того, врачам медицинской части исправительного учреждения должно было быть ясным из медицинской карты заявителя, что он не проходил требуемое обследование в течение одного года и девяти месяцев своего содержания под стражей в следственном изоляторе. Это обстоятельство должно было бы побудить администрацию исправительного учреждения без промедления предпринять надлежащие меры медицинского характера. Учитывая свои выводы, содержащиеся выше в пункте 211 настоящего постановления, Суд считает, что в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле заявитель не был обеспечен медицинской помощью в объеме, требовавшемся состоянием его здоровья.

238. Европейский Суд далее отмечает, что по настоящему делу стороны расходятся во мнениях относительно материально-бытовых условий содержания заявителя под стражей в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле. Однако в данном случае Суд не считает необходимым выявлять правдивость каждого и всякого утверждения сторон, так как он вправе установить факт нарушения статьи 3 Конвенции на основании уже представленных Суду данных или тех фактов, которые государством-ответчиком не оспариваются, по следующим причинам.

239. Из информации, представленной государством-ответчиком, усматривается, что в период содержания заявителя в камере № 5 штрафного изолятора в течение 15 дней на него приходилось 2,03 кв. м площади, в камере № 6 в течение 5 дней — 3 кв. м и в камере № 6 в течение 15 дней — 2,36 кв. м. Из описания камер штрафного изолятора и фотографий, представленных государством-ответчиком, следует, что камеры оборудованы откидными кроватями, столом, двумя узкими скамьями без спинок, раковиной, унитазом, полкой и радио, а в камере № 7 штрафного изолятора имелся также шкаф. Заявитель указывает, что во время своего содержания в камерах штрафного изолятора его ежедневно выводили на прогулки. В соответствии со статьей 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации осужденные, водворенные в штрафной изолятор, имеют право пользоваться ежедневной прогулкой продолжительностью

один час. Далее заявитель указывает, что кровати раскладывались только на 7 часов в ночное время, что государством-ответчиком не оспаривается. Поэтому заявитель, регулярно жаловавшийся на боли в пояснице, и у которого по диагнозу врачей медицинской части имелся ряд урологических заболеваний, должен был находиться в камере в течение 23 часов в сутки, и из них 16 часов он был ограничен сидением на узкой скамье без спинки. В этих условиях он находился более одного месяца своего заключения, включая подряд длившихся два периода времени по 15 дней.

240. В свете вышеизложенного и с учетом своей прецедентной практики, ссылки на которую имеются выше, в пунктах 216—217 настоящего постановления, Европейский Суд приходит к выводу, что условия содержания заявителя под стражей в камерах штрафного изолятора в сочетании с длительностью его заключения там и состоянием его здоровья, усугубленные непредоставлением ему требуемой медицинской помощи, приравниваются к бесчеловечному и унижающему достоинство человека обращению. Ввиду данного вывода Суд не усматривает необходимости в том, чтобы выносить отдельное решение по вопросу о предполагаемом нарушении санитарных норм, что касается содержания под стражей ВИЧ-инфицированных заключенных.

241. Соответственно, по данному пункту жалобы заявителя по делу также было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции.

II. ПО ВОПРОСУ О ПРЕДПОЛАГАЕМОМ НАРУШЕНИИ ТРЕБОВАНИЙ СТАТЬИ 34 КОНВЕНЦИИ

242. В контексте статьи 34 Конвенции заявитель жалуется в Европейский Суд на то, что, что должностные лица государства несколько раз угрожали ему в связи с его жалобами на условия содержания и медицинскую помощь в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуде. В частности, он утверждает, что 25 и 27 января 2005 г. и 14 и 17 февраля 2005 г. с ним вступали в контакт представители Федеральной службы исполнения наказаний и администрации исправительного учреждения. Он утверждает, что эти должностные лица допрашивали его в связи с его жалобой в Суд, а также пытались заставить его отозвать сначала жалобу на условия содержания в учреждении, а затем и жалобу об угрозах в его адрес. Заявитель также указывает в своей жалобе в Европейский Суд на то, что администрация учреждения препятствовала его переписке с его представителем касательно жалобы в Европейский Суд.

243. Статья 34 Конвенции в соответствующей части, относящейся к настоящему делу, гласит следующее:

«Суд может принимать жалобы от любого физического лица, <...> или любой группы частных лиц, которые утверждают, что явились жертвами нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в настоящей Конвенции или в Протоколах к ней. Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются никоим образом не препятствовать эффективному осуществлению этого права».

244. Государство-ответчик в своих представлениях в Европейский Суд утверждает, что 14 февраля 2005 г. должностные лица ИТК ЯЧ-91/5 имели беседу с заявителем в связи с проверкой, имевшей отношение к его жалобе, которая на тот момент была коммуницирована Судом государству-ответчику. Они также имели беседу с заявителем 17 февраля 2005 г. в связи с запросом Суда о предоставлении дополнительной фактической информации. 14 февраля 2005 г. заявитель указал, как сообщает

государство-ответчик, что администрация ИТК обращалась с ним непредвзято, и что он не был ограничен в переписке. Он не просил о консультации со своим адвокатом перед тем, как сделать это заявление. 17 февраля 2005 г. заявитель отказался отвечать на вопросы, касающиеся предполагаемых угроз со стороны должностных лиц государства, без предварительной консультации со своим адвокатом. Государство-ответчик в своих представлениях в Европейский Суд утверждает также, что переписка заявителя со своим представителем не подвергалась цензуре и заявителю в его переписке не чинились препятствия каким-либо иным образом. Все письма, отправленные заявителем из исправительного учреждения, были своевременно отправлены, о чем заявитель был соответственно информирован.

245. Заявитель утверждает, что должностные лица администрации исправительного учреждения оказывали на него давление в связи с его жалобами относительно ИТК-91/7 в г. Сарапуде. В связи с его отказом отозвать жалобу ему угрожали, в том числе и водворением в штрафной изолятор. Он отмечает, что ситуация заметно улучшилась после посещения учреждения заместителем прокурора Республики Удмуртии 21 апреля 2005 г., которому заявитель подтвердил свои жалобы. Заявитель также утверждает, что несколько писем, отправленных им своему представителю, не дошли до адресата. Более того, некоторые письма от его представителя к нему были переданы с большим опозданием, а некоторые из них были со следами вскрытия.

1. По вопросу о контактах с заявителем, осуществлявшихся представителями государства-ответчика

246. Европейский Суд вновь подтверждает, что для эффективного функционирования системы индивидуального обращения в Суд в соответствии со статьей 34, крайне важно, чтобы заявители или потенциальные заявители могли бы свободно связываться с Судом без того, чтобы подвергаться какой-либо форме давления со стороны властей, направленного на то, чтобы жалобы были отозваны или изменены (см. вышеуказанное постановление Европейского Суда по делу «Акдивар и другие заявители против Турции», § 105 и постановление Европейского Суда от 18 декабря 1996 г. по делу «Аксой против Турции» [Aksoy v. Turkey], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1996-VI, стр. 2288, § 105). В этом контексте к «давлению» относится не только прямое принуждение и акты откровенного запугивания, но также и иные ненадлежащие действия или контакты, рассчитанные на то, чтобы разубедить или отговорить заявителей воспользоваться средством правовой защиты, предусмотренным Конвенцией (см. постановление Европейского Суда от 25 мая 1998 г. по делу «Курт против Турции» [Kurt v. Turkey], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1998-III, стр. 1192, § 159).

247. Кроме того, действительно ли контакты между властями и заявителем в такого рода ситуациях могут считаться недопустимыми с точки зрения требований статьи 34 Конвенции, должно быть установлено в свете конкретных обстоятельств дела. В этом отношении во внимание должны быть приняты уязвимое положение жалобщика и степень его подверженности давлению, оказываемому властями (см. вышеуказанные постановления Европейского Суда по делу «Акдивар и другие заявители», стр. 1219, § 105, и «Курт против Турции», стр. 1192—1193, § 160). Положение заявителя может быть особенно уязвимым, когда он находится под стражей, и

его контакты с семьей или внешним миром ограничены (см. постановление Европейского Суда от 3 июня 2003 г. по делу «Котлет против Румынии» [*Cotlet v. Romania*], жалоба № 38565/97, § 71).

248. Европейский Суд отмечает, что, по утверждению заявителя, в период между январем и февралем 2005 г. с ним в четырех случаях встречались должностные лица государства. Он заявляет в своих представлениях в Европейский Суд, что должностные лица допрашивали его относительно его жалобы в Европейский Суд и пытались принудить его отозвать жалобу, касающуюся ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле. Государство-ответчик признаёт, что должностные лица администрации исправительного учреждения беседовали с заявителем дважды в феврале 2005 г., сначала по поводу его жалобы, коммуницированной на тот момент Судом государству-ответчику, а затем в связи с запросом из Суда о предоставлении ему дополнительных фактических данных. В обстоятельствах настоящего дела Европейский Суд не считает необходимым устанавливать, действительно ли имели место контакты должностных лиц государства с заявителем в январе 2005 г.; факты, которые представлены Суду или не оспариваются государством-ответчиком, позволяют Суду решить, что государство не выполнило свои обязательства, вытекающие из требований статьи 34 Конвенции, по следующим причинам.

249. Согласно тому, что заявило Европейскому Суду государство-ответчик, должностные лица администрации ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле имели беседу с заявителем 14 февраля 2005 г. в связи с проверкой, имевшей отношение к его жалобе, которая на тот момент была коммуницирована Судом государству-ответчику. Беседа также состоялась 17 февраля в связи с запросом Суда о предоставлении дополнительной фактической информации, в том числе и по поводу утверждения заявителя о предположительно имевших место угрозах в свой адрес со стороны должностных лиц администрации исправительного учреждения. Таким образом, государство-ответчик настаивает на том, что беседы с заявителем проходили в рамках внутреннего расследования по фактам, изложенным в его жалобах в Суд. Европейский Суд, однако, отмечает, что государство-ответчик не представило никаких документов в доказательство того, что таковое расследование вообще было начато в соответствии с установленным порядком, не говоря уже о документах, имеющих отношение к его проведению или результатам. Поэтому в отсутствие каких-либо доказательств проведения такового расследования, а также записей бесед заявителя с должностными лицами, Европейский Суд не считает, что с заявителем контактировали в связи с проведением внутреннего расследования (см. постановление Европейского Суда от 30 января 2001 г. по делу «Дулаш против Турции» [*Dulaş v. Turkey*], жалоба № 25801/94, § 80—81).

250. Европейский Суд далее отмечает, что в обоих случаях с заявителем контактировали по поводу его жалоб, касающихся различных аспектов условий содержания в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле. Кроме того, как следует из представлений в Суд государства-ответчика, 17 февраля 2005 г. с заявителем контактировали по поводу его заявлений об угрозах в его адрес со стороны должностных лиц администрации исправительного учреждения. При данных обстоятельствах Суд считает недопустимым, что с заявителем контактировали, — более того, неоднократно, — должностные лица администрации того же исправительного учреждения. Суд считает, что заявитель мог чувствовать себя запуганным вследствие этих контактов с властями, тем более, что он содержится и будет оставаться в ИТК ЯЧ-91/5 в течение длительного времени, что может вызвать у него законный страх перед актами мести. На взгляд

Суда, подобные контакты представляют собой акты незаконного давления, что приравнивается к неправомерному вмешательству в осуществление заявителем своего права на подачу индивидуальной жалобы в Европейский Суд.

251. Посему государство-ответчик не выполнило свои обязательства, вытекающие из требований статьи 34 Конвенции.

2. По вопросу о цензуре переписки заявителя со своим представителем

252. Ввиду вышеуказанного вывода о том, что государство-ответчик не выполнило свои обязательства, вытекающие из требований статьи 34 Конвенции, Европейский Суд считает, что в обстоятельствах настоящего дела нет необходимости отдельно рассматривать пункт жалобы заявителя, имеющий отношение к статье 34 Конвенции.

VIII. ДРУГИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

253. Наконец, в своих письменных замечаниях по делу заявитель жалуется на то, что у него не было эффективного средства правовой защиты в отношении чрезмерной продолжительности производства по делу, что привело к его предположительно незаконному и необоснованно длительному содержанию под стражей. В этой связи заявитель исходит из требований статьи 13 в совокупности с требованиями пункта 1 статьи 6 Конвенции.

254. Статья 13 Конвенции гласит следующее:

«Каждый человек, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективные средства правовой защиты перед государственным органом даже в том случае, если такое нарушение совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

А. По вопросу о приемлемости для рассмотрения по существу жалобы заявителя по данному пункту

255. Европейский Суд напоминает, что заявитель был осужден 20 января 2004 г. вступившим в законную силу приговором Московского городского суда, тогда как жалоба по данному пункту была заявлена в первый раз 5 июня 2005 г., то есть спустя более шесть месяцев после завершения производства по уголовному делу в его отношении. Следовательно, заявитель не выполнил правило о шестимесячном сроке, содержащееся в пункте 1 статьи 35 Конвенции.

256. Из этого следует, что жалоба заявителя в данной ее части должна быть отклонена в силу пункта 4 статьи 35 Конвенции.

IX. В ПОРЯДКЕ ПРИМЕНЕНИЯ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

257. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного возмещения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает выплату справедливой компенсации потерпевшей стороне».

А. По вопросу о выплате компенсации за причиненный заявителю материальный ущерб

255. Заявитель требует выплатить ему сумму размером 730 080 рублей в качестве компенсации за потерю дохо-

да. Эта сумма представляет потерю его дохода как сотрудника компании, занимающейся информационными технологиями, и доход от компьютерных услуг, предоставлявшихся им в частном порядке.

259. Государство-ответчик оспаривает требования заявителя. Оно утверждает, что обоснованность действий национальных властей при привлечении лица к уголовной ответственности за совершение преступления не является предметом проверки с точки зрения законности в рамках производства в Европейском Суде. Кроме того, государство-ответчик отмечает, что доходы заявителя за оказание услуг в частном порядке не подтверждены никакими официальными документами.

260. Европейский Суд не может делать предположения относительно того, какими могли бы быть результаты рассмотрения уголовного дела в отношении заявителя расследования в случае, не будь допущено нарушение Конвенции (см. среди прочих источников по данному вопросу Постановление Европейского Суда от 23 октября 1995 г. по делу «Шмауцер против Австрии» [*Schmautzer v. Austria*], серия «А», № 328-А, § 44, и постановление Европейского Суда от 25 февраля 1997 г. по делу «Финдлей против Соединенного Королевства» [*Findlay v. the United Kingdom*], Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека 1997-I, § 85). Поэтому Европейский Суд считает возможным присудить в пользу заявителя компенсацию за причиненный ему материальный ущерб.

В. По вопросу о выплате компенсации за причиненный заявителем моральный вред

261. Заявитель требует выплатить ему сумму размером 100 000 евро в качестве компенсации за причиненный моральный вред. Он утверждает в своих представлениях в Европейский Суд, что длительное содержание его под стражей в отвратительных условиях при отсутствии надлежащей медицинской помощи серьезно ухудшило состояние его здоровья, поставило под угрозу его жизнь, унизило его и причинило сильные физические и моральные страдания. Он утверждает, что даже после освобождения из мест лишения свободы ему придется пройти курс серьезного лечения без всякой гарантии полного выздоровления. Ему вряд ли удастся продолжить свою профессиональную деятельность, поскольку за время его пребывания под стражей произойдет существенное развитие информационных технологий, отставание в знании которых он вряд ли сумеет наверстать из-за ухудшающегося зрения и потери трудоспособности. Кроме того, длительный срок заключения уже разрушил его планы завести семью.

262. Государство-ответчик оспаривает данные требования заявителя. Государство-ответчик утверждает в своих представлениях в Европейский Суд, что требования заявителя базируется на том обстоятельстве, что он был привлечен к уголовной ответственности за совершение преступления, а этот вопрос находится вне пределов права Суда на проверку законности и обоснованности. Государство-ответчик считает требования заявителя безосновательными и непомерными. По мнению государства-ответчика, сам факт признания нарушения Конвенции будет представлять собой достаточно справедливую компенсацию в настоящем деле.

263. В той мере, в какой жалоба заявителя касается установления Судом факта нарушения требований подпунктом «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции в увязке с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, Европейский Суд вновь подтверждает, что коль скоро заявитель был осужден, несмотря на потенциальное нарушение его прав, как они гарантированы статьей 6 Конвенции, он должен быть

поставлен в такое положение, в котором он находился бы, если требования статьи 6 Конвенции не были бы проигнорированы. При этом наиболее приемлемой формой исправления ситуации было бы в принципе повторное рассмотрение уголовного дела или возобновление производства по делу, если о том будет заявлено ходатайство (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оджалан против Турции» [*Öcalan v. Turkey*], жалоба № 46221/99, § 210 *in fine*¹, Сборник постановлений и решений Европейского Суда по правам человека ECHR 2005-IV). В этой связи Европейский Суд отмечает, что статья 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации предусматривает, что основанием возобновления производства по уголовному делу может быть установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом Российской Федерации уголовного дела.

264. Европейский Суд кроме того отмечает, что в настоящем деле — помимо нарушения требований статьи 6 Конвенции — он также установил серьезные нарушения требований статьи 3 Конвенции в связи с унижительными условиями содержания под стражей и отсутствием надлежащей медицинской помощи как в следственном изоляторе, так и в исправительном учреждении, вкпе с нарушением требований статьи 34 Конвенции. Исходя из принципа справедливости, Европейский Суд присуждает заявителю сумму размером 25 000 евро в качестве компенсации морального вреда плюс сумму любых налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму компенсации.

с. По вопросу о возмещении заявителю понесенных им судебных расходов и издержек

265. Заявитель также требует выплатить ему сумму размером 154 439,78 рублей (приблизительно 4600 евро) в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных в российских судах, и 83 808,60 рублей (приблизительно 2500 евро) в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных в Европейском Суде. Последние включают: 6000 рублей его представителю в Суде за ознакомление с материалами уголовного дела, 6600 рублей за перевод документов, полученных из Суда, 3500 рублей за распечатку и ксерокопирование документов, связанных с Судом, 26 810 рублей за почтовые расходы, связанные с перепиской с Судом, и 40 898 рублей за почтовые, транспортные и прочие расходы, связанные с обменом информацией между заявителем, отбывающим наказание в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарапуле, и его представителем.

266. Государство-ответчик указало, что расходы, связанные с рассмотрением уголовного дела в отношении заявителя российскими судами, не имеют отношения к данному делу в Европейском Суде, поскольку производство по делу в российских судах не было направлено на восстановление предположительно нарушенных прав заявителя. Кроме того, государство-ответчик сочло искомую сумму компенсации чрезмерной и не вызванной необходимостью. Что же касается почтовых расходов, то государство-ответчик отметило: не было представлено никаких доказательств того, что эти расходы имели отношение к переписке между заявителем и его представителем по поводу данной жалобы. По мнению государства-ответчика, в требовании следует полностью отказать.

267. В соответствии с нормами прецедентного права, установленными Европейским Судом, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек в той мере, в которой было доказано, что они были действительно и

вынужденно понесены в разумном размере. В настоящем деле, учитывая имеющуюся информацию и принимая во внимание вышеперечисленные критерии, Европейский Суд считает обоснованным присудить сумму в размере 4000 евро в возмещение расходов и издержек по всем пунктам за вычетом суммы (715 евро), уже выплаченной в соответствии с системой оказания юридической помощи. В результате, Европейский Суд присуждает окончательную сумму в размере 3285 евро в возмещение судебных расходов и издержек плюс сумму любых налогов, которые могут быть начислены на указанную сумму.

с. Процентная ставка при просрочке платежей

268. Европейский Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. объявил жалобу в тех ее пунктах, которые имеют отношение к вопросам о справедливости производства по уголовному делу заявителя, условиях содержания заявителя под стражей и отсутствии медицинской помощи в следственном изоляторе СИЗО 77/1 в г. Москве, условиях содержания в камерах штрафного изолятора и отсутствия медицинской помощи в ИТК ЯЧ-91/5 в г. Сарепуле, а также к вопросу о вмешательстве властей в осуществление заявителем своего права на подачу индивидуальной жалобы в Европейский Суд по правам человека, приемлемой для рассмотрения по существу, а остальную часть жалобы — неприемлемой для рассмотрения по существу;
2. постановил, что по делу нарушение требований пункта 2 статьи 6 Конвенции в отношении предполагаемых дефектов обвинительного заключения допущено не было;
3. постановил, что по делу нарушение требований подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции в отношении использования протоколов процедуры предъявления для опознания допущено не было;
4. постановил, что по делу нарушение требований подпункта «с» пункта 3 статьи 6 Конвенции, взятого в увязке с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, в отношении отклонения российскими судами ходатайства заявителя о допуске в производство по делу дяди заявителя в качестве его представителя допущено не было;

5. постановил, что по делу было допущено нарушение требований подпункта «d» пункта 3 статьи 6 Конвенции, взятого в увязке с пунктом 1 статьи 6 Конвенции, в отношении непроведения российскими судами допроса свидетелей защиты г-жи Р. и г-на Х.;
6. постановил, что по делу было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции в отношении условий содержания и отсутствия надлежащей медицинской помощи в СИЗО 77/1 в г. Москве;
7. постановил, что по делу было допущено нарушение требований статьи 3 Конвенции в отношении условий содержания в камерах штрафного изолятора и отсутствия надлежащей медицинской помощи в ИТК-91/5 в г. Сарепуле;
8. постановил, что государство не выполнило своё обязательство, вытекающее из статьи 34 Конвенции, не препятствовать эффективному осуществлению права на подачу индивидуальной жалобы в Европейский Суд по правам человека;
9. постановил, что нет необходимости в рассмотрении жалобы в пункте, касающемся предполагаемого вмешательства властей в переписку между заявителем и его представителем;
10. постановил
 - (а) что государство-ответчик обязано — в течение трех месяцев со дня вступления настоящего постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции — выплатить заявителю 25 000 (двадцать пять тысяч) евро в качестве компенсации морального вреда и 3285 (три тысячи двести восемьдесят пять) евро в качестве возмещения судебных расходов и издержек, подлежащие переводу в российские рубли по курсу обмена, установленному на день оплаты, плюс любые налоги, которые могут быть взысканы с этой суммы;
 - (б) что с даты истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты простые проценты должны начисляться на эти суммы в размере, равном минимальному ссудному проценту Европейского центрального банка плюс три процента;
11. отклонил остальные требования заявителя о выплате ему справедливой компенсации.

Совершено на английском языке, и уведомление о постановлении направлено в письменном виде 13 июля 2006 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Перевод с английского языка.

© Журнал «Права человека. Практика Европейского Суда по правам человека»